

Далия
Трускиновская

ЕДИН
СТВЕН
НЫЕ

Даля Трускиновская

Единственные

«Автор»

2015

Трускиновская Д. М.

Единственные / Д. М. Трускиновская — «Автор», 2015

Роман «Единственные» – это сага, действие которой начинается в 1976 году. Его герои – люди, ангелы, демоны, Любовь и Смерть. Три семьи живут в этой саге, и в каждой по-своему присутствует или отсутствует Любовь. А знаете, что случается с любовью, которая не находит себе применения? Знаете, каково держать ответ за страх полюбить, за неумение любить? Герои, на первых страницах – молодые и полные сил, сорок лет спустя подводят итоги. И оказывается, что у одной из героинь еще есть шанс...

© Трускиновская Д. М., 2015

© Автор, 2015

Далия Трускиновская

Единственные

– Мне сорок лет, и я имею право...

Ноги сами знают дорогу, глаза сами отслеживают цвета светофора. Тело несет себя, само обнаруживая, где можно проскользнуть между другими телами. Навык хождения в толпе – скромное, но необходимое завоевание цивилизации. Без него – никак. Он спасает, он дает возможность голове заниматься ее прямым делом – мыслями.

Навык спас от столкновения с нелепой и печальной парой. Она – маленькая седая старушка, он – высокий и сутулый, в очках с причудливыми линзами. Старушка, держа мужчину под руку, смешно вертит головой, тоже лавирует, тоже высматривает прорехи в толпе. А мужчина, если и видит улицу, то очень плохо – его лицо неподвижно, опасностей и препятствий он не замечает. Он во всем полагается на подругу.

Но они – вдвоем, они – вдвоем! Вместе они доберутся и до магазина, и до рынка, вместе придут домой, она быстренько вскипятит воду для чая, поставит мужу под руку мисочку с его любимым печеньем, включит телевизор и будет ему тихонько рассказывать, что там на экране. А он привычным движением обнимет ее и пристроит ее голову у себя на плече. Тихое угасающее счастье. У всех оно есть! Все ищут и находят себе человека, с которым можно идти вместе, постепенно замедляя шаг. Как вышло, что одним это можно, а другим – запрещено?

Нужно как следует подготовиться к разговору. Значит, так...

– Мне сорок лет, и я имею право...

– Вы что-то сказали?

– Нет, нет, это я так...

Мужчина – немолодой, щуплый, низкорослый очкарик, в голосе – тревога. Внимательные темные глаза. Готовность помочь. А одет хорошо, даже очень хорошо, и несет две большие коробки с «Лего». Наверняка ведь торопится домой, где его ждут жена, любимый пес, теплые тапочки... и внуки, для них он тащит это здоровенное «Лего»... А попросишь – останется с тобой, добежит до аптеки или проводит. Не может быть, чтобы он остался холостяком. Он из тех, кажется, кто всю жизнь благодарен женщине, согласившейся стать супругой. И он будет с этой женщиной, вряд ли что красавицей, до самого конца. Похоже, ей можно позавидовать. Но где-то на жизненном пути он уже попался, заглянул в приоткрытую дверь, кажется...

Нельзя на улице говорить вслух. То есть можно – если в мобилку. Еще совсем недавно тех, кто шел с хэнд-фри и громко разговаривал, принимали за сумасшедших. Недавно? Десять лет назад! Ничего себе недавно... Куда же делись эти годы?

Знакомое лицо. Кто это? Как звать морщинистую обезьянку, стоящую у светофора? У нее было какое-то необычное имя. Было – в те времена, когда всех взрослых зовешь тетями и дядями. Вид у обезьянки потрепанный, хотя в молодости, наверно, была хороша собой, она и теперь еще стройна. Юбка! Где-то в закоулках памяти затерялась, а сейчас выскочила бежевая юбка с клиньями «годе». Что-то совсем детское, обезьянка приходила в гости в этой юбке, вот что. В гости к матери. Мать очень неохотно с ней разговаривала. Вроде бы она... Вот только мешки под глазами, вот только остановившийся взгляд, и ее качнуло... Пьяна она, что ли?.. Вспомнила! Боже, как же она изменилась!..

– Мне сорок лет, и я имею право...

– Ксюша!

– Мама?

Мать стоит возле входа в магазин. Там недавно сделали пандус и прикрепили к стене перильца, чтобы инвалиды и старики тоже могли сделать покупки. Она и держится за перильца, показывая всему миру – вот я, старая и сгорбленная, меня нужно жалеть; вы все не знаете,

что у меня есть дочь и внучка, так вот и думайте, что я одинока, что я должна сама раз в два дня ходить за продуктами, жалейте меня – и пусть дочь, которая на полчаса задержалась, это понимает!

– Ксюшенька, я вышла тебе навстречу.

– Мама, зачем? У тебя же ноги болят.

– Я хотела тебя встретить.

Вот сейчас надо сказать: ты не встретишь меня хотела, а убедиться, что никакой мужчина не провожает меня домой. Если я опаздываю – значит, была в постели с мужчиной, разубедить невозможно! Постель с мужчиной – самое страшное обвинение, которое она знает. Все-таки настало время сказать правду. Но нельзя такое говорить посреди улицы – ей станет плохо с сердцем. Ей всегда, как по заказу, становится плохо с сердцем. Как бабке покойной, царствие ей небесное. Мать чем дальше – тем больше похожа на бабуку.

– Возьми меня под руку, мама. Нам спешить некуда, потихоньку дойдем.

«Мне сорок лет, и я имею право...»

Ксюша видела ее насквозь. Мать вышла на улицу в старом пальто поверх домашнего халата и в стоптанных больших тапках. Пальто расстегнуто – все должны видеть халат. Ей важно было показать всему миру – я, старая и больная, должна лежать, но я беспокоюсь за непутевую дочь и иду ее встречать; люди добрые, где ваше сочувствие? Жалейте меня, жалейте... Все бабкины затеи – налицо.

У матери было пять халатов. Она утверждала, что другой одежды ей не надо – ведь она не выходит из дома. Но к соседке, тете Саше, она ходила в другом халате, новом, «леопардовом», бархатистом.

Старый фланелевый халат тоже был говорящим: он сообщал, что непутевая дочь экономит на матери, держит мать впроголодь и одевает в тряпье, но мать все же идет ее встречать, горбясь, припадая на левую ногу, опираясь на палку. И страшные тапки, которые уже созрели для помойки, были говорящие: я не могу носить другой обуви, только эти растоптанные страшилища, каждый шаг мне дается с невероятным трудом, но я, смотрите все, брежу встречать горячо любимую единственную дочь.

И бабка то же самое проделывала.

Мать повисла на руке у дочери – и эта тяжесть тоже была говорящей: мне больше не на кого в этой жизни опереться.

Нужно было поскорее дотащить мать до квартиры, чтобы, Боже упаси, никто из знакомых не видел этого спектакля. Знакомых было много – мать и Ксюша прожили в старом четырехэтажном доме сорок лет. Все окрестные старухи были материнскими приятельницами – точнее, обо всех она знала какую-то стыдную правду и гордилась этим, а приятельство выражалось в регулярном созвоне: ну, как ты там, как дети, как внуки? Пожаловаться на детей и внуков – ритуал, священный ритуал, доходящий до маразма: тетька Надя, которую Ксюша знала всю жизнь, к семидесяти годам повредила рассудком и утверждала, что дети перестали ее кормить. Она обзванивала соседок и просила принести хоть бутерброд с колбасой. Мать как-то послала Ксюшу к тете Наде – снабдить ее продовольствием, и кончилось это очень плохо: старуха стала радостно закидывать в рот все, что было в магазинном пакете, сладкие сырки, сметану, копченую колбасу, и не могла остановиться. Прибежала с работы дочка Вера, схватилась за голову: «Ксюшка, что ты наделала!» Тете Наде было плохо, ее рвало, она не могла добрести до туалета и загадила весь коридор. Но мать осталась при своем убеждении – вредная Вера экономит на тете Наде, вот и расти единственную дочь, вот и посвящая ей всю жизнь...

– Тетя Лида?

Так и есть – Анька Мартынова. В детском садике рядом на горшках сидели, в школе – за одной партой. Теперь Анька – бизнес-леди, карьеру сделала, а чувства такта не нажила. Ей бы пройти мимо, сделав вид, будто не замечает, как растрепанная и сгорбленная тетя Лида повисла

на однокласснице. Тетю Лиду она заметила сразу, а Ксюшу – нет; было бы что замечать – курточка черная, из сэконд-хэнда, штаны черные – Машунины, дочери стали коротки, обувь – лучше о ней не думать; зато Машуне куплены дорогие ботильоны... потому что единственная дочь, надо баловать!.. Надо – и все тут! Тебя же баловали – и ты балуй.

– Анечка!

Мать счастлива – хоть кто-то увидел, какая она жалкая, какая она больная, как нуждается в сочувствии. И она подробно рассказывает про все свои болячки, стараясь задержаться на улице подольше. Когда на нее напала эта дурь? Ведь держалась же стойко, с достоинством! И вдруг – будто в ней что-то непоправимо сломалось. Она стала требовать жалости, вымогать эту жалость, словно определила для себя суточную дозу, а если не получит – помрет.

Потом, когда Ксюша уже вела мать по лестнице, зазвонила мобилка. Ксюша быстро поднесла к уху аппаратик. Это была Анька.

– Слушай, Ксюх, с этим надо что-то делать! – быстро заговорила одноклассница. – Она же у тебя совсем ку-ку. Ее нужно в пансионат, чтобы за ней присматривали. Думаешь, я не вижу? Если что – я помогу, я же все понимаю! Слушай, я созвонюсь с Григоряном, он деда куда-то сдал, дед совсем уже берега потерял... Ой, ко мне кто-то пробивается, я потом перезвоню!

Стало смертельно стыдно.

Анька всегда донашивала за старшей сестрой, была хуже всех в классе одета. А теперь – бизнесумен, с первым мужем не заладилось, но второй ее просто обожает, она растит двух дочек и не считает копеек до зарплаты. Она может себе позволить такую помощь – не потому, что доброта зашкаливает, а потому, что четверть века назад Ксюша была одета лучше всех и шеголяла в дорогущей кожаной юбке ручной работы, из знаменитого салона. Сейчас Анькина юбка стоит, наверно, дороже, чем весь Ксюшин гардероб...

Матери было необходимо покупать для дочки дорогие вещи – чтобы потом, в случае неповиновения, нашлось, чем попрекнуть. И теперь мать требует, чтобы Машуня была одета, как дочь голливудской кинозвезды. Одно утешение – дочка растет умницей и видит бабкины затеи насквозь. С ней этот трюк не проходит – однажды она сгребла дорогие тряпки и свалила их кучей на бабкину постель: носи сама, бабуленька, я не нуждаюсь! Потом, конечно, потихоньку стала их таскать из бабкиной комнаты...

Какая страшная кара – знать правду о людях, видеть эту правду, и не иметь смелости, чтобы высказать ее вслух. Дожить до сорока лет – и нажать эту идиотскую правдобоязнь.

Вот и сейчас – надо усадить мать в кресло и прямо сказать:

– Мне сорок лет, и я имею право...

Но страшно. Вдруг на этот раз ее сердечный приступ окажется настоящим?

В квартиру мать вошла уже совсем бодро. И даже пообещала быстренько разогреть суп.

– Что бы я без тебя делала?... – обреченно спросила Ксюша. Она знала – матери нравится это изъяснение покорности. Скажешь так два-три раза в день – и дома тихо.

Мать, выпрямившись и расправив плечи, пошла на кухню – а ведь только что держалась за дверной косяк и поглядывала, не спускается ли кто из соседей, чтобы увидеть жалобную позу.

– А знаешь, Ксюшенька, у нас хлеб кончился. Спустись, возьми батон и половинку серого, – ласково попросила мать. – И пару булочек с корицей заодно.

Объяснять ей, что булочки с корицей людям, страдающим ожирением, противопоказаны, Ксюша не стала. Ответ предсказуем: мать обещает к вечеру помереть, чтобы дочь всю жизнь мучилась угрызениями совести – для больной женщины пары булочек пожалела.

– И следи за кошельком! Потом дашь мне куртку, я наконец пришью тебе потайной карман.

Этими потайными карманами она, когда еще работала, снабдила всю свою одежду. Объясняла: ее так приучили, и бабушка Аня, и прабабушка – все носили деньги в потайных карманах.

Когда дверь за дочерью захлопнулась, Лидия Константиновна поспешила в залу, к окну – посмотреть, как Ксюша выходит из подъезда, как пересекает улицу. Дочь нуждалась в постоянном контроле – это материнский долг, и никто, кроме матери, не проследит, чтобы она переходила улицу только на зеленый свет. Нужно было еще раз напомнить, чтобы дочь, расплатившись у кассы, положила кошелек не в карман, а хотя бы в потайное отделение сумки. Сумка Лидии Константиновне доверия не внушала – кто угодно мог, прижавшись к дочке в толпе, разрезать ее бритвой. Но это лучше, чем карман. И давно пора найти в кладовке материнскую коробку с большими лоскутами из плотной ткани.

– Мамочка... – сказала Лидия Константиновна.

Когда-то ей казалось, что такое проявление материнской заботы просто ужасно. А теперь она с умилением вспоминала, как мать говорила о кошельке. Благодарность – вот что пришло на склоне дней к Лидии Константиновне. Благодарность за то, что научили быть хорошей матерью. За то, что дали образец правильного материнского поведения. И одновременно – тревога: Ксюшка не сможет так заботиться о внучке, Машуне, Ксюшка не понимает, что такое единственный ребенок.

А на кухне отворилась дверь возле холодильника, и женщина совсем уж преклонных лет подошла к плите.

– Растяпа, – сказала она брюзгливо. – Торчит в окошке, как кукушка в часах, а суп выкипит.

Она была в таком же фланелевом халате, разве что не лиловом, а коричневом, с узором из желтоватых загогулинок, в таких же шлепанцах, разве что седые волосы не топорщились на голове, спереди кое-как приглаженные, а сзади от лежания свалывшиеся, но, стянутые резинкой, образовали на затылке крошечный и очень аккуратный узелок.

– Что ж вы так сердито, Анна Ильинична? – спросил, выглянув из той же двери, мужчина.

– Да это я любя, – буркнула Анна Ильинична. – Кто же, если не я? Одна она у меня...

– Одна, – согласился мужчина. – Не выкипит суп, я присмотрю. Пойдемте-ка доиграем.

Они вернулись в комнатушку, убранную очень просто – узкий топчанчик, накрытый клетчатым одеяльцем, полированная тумба, заключающая в себе швейную машинку, у тумбы – облезлый табурет, на самой тумбе – картонная раскладная доска, вроде шахматной, и на ней – невнятные темные фигурки.

Но было и кое-что странное – портрет на стене. Похоже, художнику дали для образца старую фотографию в коричневых тонах и велели не слишком оригинальничать. Он честно изобразил, что велено, – солдата в пилотке, совсем молоденького, с округлым правильным лицом, с едва намеченными, как это бывает у блондинов, бровями. Солдат очень серьезно позировал перед фотокамерой – как человек, которому редко приходится сниматься.

Художник чуточку оживил портрет – как-то сделал так, чтобы казалось, будто глаза голубые, гимнастерка зеленоватая, пуговицы с золотым отливом.

Но портрет имел странное свойство – по нему время от времени прокатывали волны тумана, лицо расплывалось, потом опять собирались из дрожащих точек, но при этом хоть чуточку, а менялось.

Мужчина, усевшийся на табурет, был похож на солдата, разве что без пилотки, таким же молодым и гладким было лицо, вот только посаженные чуть глубже, чем полагалось бы, глаза имели неопределенный цвет, какой-то прозрачно-черный, если глянуть сбоку – вроде даже с перламутровым отливом.

Игра, в которую играли мужчина и старуха, смахивала на поддавки: старуха норовила подставить свои фигурки под удар фигурок противника, но он усмехался и делал ход, явно

неожиданный, предлагая ей взять разом три свои то ли шашки, то ли пешки, то ли вообще крошечные японские нэцке из темной прессованной кости. Она сердилась, ворчала, он посмеивался. Вдруг он встал и вышел из комнатушки.

Лидия Константиновна все еще сидела у окна. Мужчина подошел и постучал по фланелевому плечу длинными сухими пальцами.

– Суп, голубушка, – напомнил он.

– Ой, божечки мои, суп! – воскликнула Лидия Константиновна и очень прытко понеслась на кухню.

Мужчина выглянул в окно. Зрение у него было острое. За витриной аптеки он высмотрел очертания женской фигуры.

– Так, явилась... – пробормотал мужчина. – Это любопытно, это любопытно...

В прихожей закрипела дверь, заскрежетал замок – пришла Ксюша.

– Мама, она опять тут! – крикнула Ксюша, скидывая туфли. – Торчит в аптеке! Я прямо не знаю, что делать! А Машуня вот-вот придет!

– Я покараулю у окна, – отозвалась Лидия Константиновна. – Когда Машуня будет переходить улицу, я тебя позову, ты ее встретишь.

– Мама, поговори с ней. Скажи, что если я ее еще раз увижу возле нашего дома, я, я... ну, я не знаю, что сделаю! Я полицию вызову! – Ксюша разволновалась.

– Я ей позвоню, – пообещала Лидия Константиновна. – Что ты копаешься? Я суп налила, стынет. Ешь, а я пойду к окну.

Ксюше стало неловко – мать, как нарочно, наедине с дочерью чистый ангел, особенно когда речь идет о единственной внучке, если бы не выходила встречать и не копалась в дочкиной сумке, все было бы почти хорошо.

И она вспомнила – разговор дольше откладывать нельзя.

– Мне сорок лет, и я имею право...

С этого ли начать? Или этим завершить?

Трудный, трудный разговор, и страшный, страшный... Как после него жить – тоже непонятно.

Мужчина все еще стоял у окна и усмехался.

– Хороший узелок завязывается, – сказал он сам себе, – ох, хороший... Пожалуй, пора сверлить дырочку для ордена.

И сам улыбнулся своей шутке, потому что – где сверлить? Его темно-серая с тусклыми мелкими бликами одежда так плотно прилегала к телу, что, возможно, была его кожей.

Лидия Константиновна вернулась к окну.

Она не видела так далеко даже в очках, но знала – в аптеке стоит, притворяясь, будто изучает стенд с противогриппозными таблетками, женщина, и лет этой женщине уже очень много, больше, чем Лидии Константиновне, но она бы скорее застрелилась, чем надела фланелевый халат. В последний раз, когда ее видели поблизости от дома, на ней была модная накидка, брючки, шляпа – предел элегантности, дорогие туфли, при ней – сумочка размером с упаковку ампул. Если не заглядывать в лицо – то, пожалуй, она может заинтересовать и молодых мужчин. Тем более что она уже давно нашла хорошего парикмахера, который ее красиво стрижет и красит волосы в почти естественный цвет.

А в сумочке – деньги. И, возможно, золотое кольцо с крупным камнем, цены невероятной.

Когда-то такие перстеньки были в большой моде. Вот только мало кому были по карману. А ей – были, еще бы – семья-то богатая, торговая семья.

Лидия Константиновна вспомнила былое. Затосковала. Ох, джинсы-«вранглеры», за которые отдала всю зарплату, ох – было бы за что... И дубленочка фальшивая!.. На два сезона всего, а потом уже не отчистить... Но ведь надо было, надо было соответствовать!

Меж тем у подъезда остановилась машина – дорогой внедорожник, порядком забрызганный, видно, шатался по проселочным дорогам. Он встал именно так, как позволено парковаться. Из внедорожника вышел дедок, достал из багажника две большие сумки и поволок их к дверям. Лидия Константиновна увидела сверху знакомую лысину, на которую зачесана длинная седая прядь, и выругалась так, как воспитанной женщине вроде не полагается. Но она уже давно не была воспитанной женщиной.

– Ксюша! – крикнула она. – Там этот старый хрен опять с помидорами притащился! Будет звонить – не открывай!

– Не открую! – отозвалась с кухни дочь.

* * *

Ну вот, вроде все в сборе.

Лидия Константиновна – в окошке. Ксюша – на кухне. Борис Петрович с сумками – еще на улице. Анна Ильинишна... как бы объяснить, где Анна Ильинична? Дверь возле холодильника снаружи не видна, видна только изнутри, из каморки. И тот, кто играет с ней в непонятную игру, тоже на месте. Сидит, ухмыляется. И ведь как сидит? Табурет словно бы разрезан пополам стеной, две ножки – в конурке, две – еще где-то. И мужчина, похожий на молодого бойца, тоже разрезан – грудь, плечи, руки, голова, колени – тут, а где спина – непонятно.

Регина – в аптеке. И аптекарши на нее уже косятся. На воровку вроде не похожа, но чего же она застряла у витрины?

Машуня, Ксюшина дочка, на занятиях, хочет поступать в институт, без дополнительных занятий – никак. А она девочка с характером, ей нужно получить хорошее образование. Вот и слава богу, что с характером!

Кто еще?

Илона. Перешла улицу и глядится в витрину, поправляет волосы. Они у нее все еще длинные, но теперь крепко поседели и собраны в узел. Галочка и Толик. Они успели к базарчику на Матвеевской, пока не ушла знакомая торговка, и грузят Толику в рюкзак банку деревенского меда, морковь и чеснок, очень хороший крепкий чеснок и почти чистую морковь. Роман. Роман спешит домой. Но сперва нужно заехать к сестре, потому что обещал посидеть часа полтора с младшими племянниками, дать сестре возможность сходить к стоматологу. Одна из коробок «Лего» – как раз для них. Но сегодня или завтра? Роман закидывает покупки в багажник «той-оты», снимает и кладет на заднее сиденье фирменный рюкзачок, в рюкзачке дорогой ноутбук. Сев за руль, он достает смартфон и говорит:

– Солнышко, ты не помнишь, я когда обещал заехать к Наташе? Ф-фу, думал, совсем крыша поехала. Сметану и коробку яиц? Это можно...

Олег... Олег едет по Московскому проспекту и улыбается. Он четверть века за рулем, он классно водит машину, машина его слушается безупречно. Он едет и думает, что надо бы завернуть в «Стройдом», побродить вдоль полок, все потрогать, ко всему прицениться. Потому что Интернет – это картинка, а трогать нужно руками. Олегу предстоят радостные хлопоты, хотя он будет ворчать и даже ругаться. Но повод для ремонта у него завидный... При размене жилья ему досталась однокомнатная квартирка. Не густо, но для начала хватит. У него будет дом, и в этот дом придет хозяйка!

Все, что ли?

Да – Андрей Буревой! Главного забыли, будь он неладен, с него-то ведь и началось... Помните Андрея Буревоего? Говорят, спился.

Нет?

Надо же – никто, совсем никто не помнит Андрея Буревоего...

* * *

Портрет был вырезан из журнала и вклеен в блокнот – именно вклеен, чтобы не вывалился. Блокнот когда-нибудь кончится и будет упрятан в нижний ящик письменного стола – весь, кроме этой страницы; ее вместе с портретом нужно будет переместить в новый блокнот. Не так часто попадаются цветные портреты Буревоего. В газетах снимки публикуют, да, но они же там черно-белые и такие мутные, что даже лица не разобрать. А этот – журнальный, из «Советского экрана».

У Илоны хранились вырезки из заводской многотиражки. Более того – Ира, корреспондентка, подарила ей металлическое клише, стянув из типографии; все равно бы его после выхода газеты выкинули в ящик с металлом. Было фото из городской газеты, тоже черно-белое. Когда Ленька после премьеры «Коммунаров» всех фотографировал, то подарил два больших снимка, но на снимках – весь коллектив, и Буревой стоит во втором ряду, обняв за плечи длинную Наташку и Вурдалака Фредди.

Как хорошо смотреть на цветной портрет и шептать:

– Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...

Может, если всю душу вложить в эти слова и даже зажмуриться, чтобы сильнее получилось, он услышит? Бывают же чудеса на свете?

– Мам, дай шесть копеек, – попросила Илона.

– Именно шесть? На что тебе?

– На трамвай.

– Опять?!

Мать, придя с работы, распаковывала сумку. Она дважды в неделю затоваривалась в столе заказов. Конечно, продукты не те, что у отца на ткацком комбинате, но палка хорошей колбасы, две банки майонеза, брикет сливочного масла всегда присутствовали. А отец приносил кур, котлетный фарш, консервированные помидоры, горошек в банках, растворимый кофе, сгущенку. Жили, в общем, не хуже других, и на новогоднем столе всегда имелась баночка красной икры.

– Да, опять! – отрубил Илона.

После того, как она вылетела со второго курса педагогического, случился дикий, дичайший скандал, мать чуть не прокляла лентяйку, однако деваться некуда – приходилось кормить.

– Будешь работать, – сказал отец. Но где работать? Не за конвейер же сажать единственную дочь, хотя не помешало бы. Стали искать место канцелярской крысы. Поиски затянулись. Семейная педагогика свелась к урезанию всех расходов ребенка.

– Тебе шести копеек жалко?

– Мне шести копеек не жалко! Мне тебя жалко! На что ты время тратишь?!

Илона понимала, что нужно устраиваться на работу, хоть на какую. Желательно – необременительную. Если только такие есть в природе. Но к работе предъявлялись особые требования! Чтобы не приходилось тащиться туда рано утром – это главное. Илона так и сказала родителям. Они прекрасно понимали, в чем дело: репетиции «Аншлага» раньше девяти не начинались, могли затянуться до полуночи, а потом еще ехать последним трамваем через весь город. Если бы удалось как-то отгадить дочь от «Аншлага», родители бы пошли в церковь ставить свечки ко всем образам. Но никак не получалось, и безнадежно было дразнить доченьку «актрисой погорелого театра». Она делала вид, будто не слышит.

Ее жизнь имела смысл, для родителей непостижимый. Назывался этот смысл «Андрей Буревой».

Началось с кино. Фильм был дурацкий, и попала на него Илона совершенно случайно, еще на первом курсе. Она опоздала на лекцию, лил дождь, нужно было где-то пересидеть почти

полтора часа, а в кинотеатре по соседству сеансы начинались в восемь пятьдесят, она как раз успевала. Заплатив десять копеек за билет, Илона уселась в зале с твердым намерением запомнить все благоглупости революционной киноленты, чтобы было чем посмешить однокурсниц. По экрану понеслись тачанки, крупным планом показали вдохновенные лица героев – и она увидела Буревоего в роли молодого комиссара.

Потом она рассказала девчонкам о красавце-актере, и главная интеллектуалка группы, Альбина, не пропускавшая ни одной премьеры, свысока объяснила ей, что комиссар играет в городском драматическом театре, и даже странно, что Илона его там не заметила. Тогда Илона пошла в театр. В тот вечер Буревой играл Герцога в шекспировской «Двенадцатой ночи». Его как раз за острую, отточенную, сверкающую красоту, за русую гриву, за широкие плечи и тонкий стан взяли в герцоги – он, появившись, должен был вызывать у всего зала любовь с первого взгляда. Комиссар и шекспировский аристократ как-то сплывались вместе, Илона влюбилась, и это была настоящая страсть, с бессонными ночами, попытками стихосложения, еженедельными походами в театр, бешеными мечтами и полнейшим склерозом во всех бытовых делах.

А тут еще и Яр...

Откуда взялся Яр – она так и не поняла.

Педагогический институт дружил с танковым училищем. Дружба была очень практическая – к пятому курсу студентки уже хорошо понимали, что по распределению попадут преподавателями в такую глушь, куда тремя транспортом сутки добираться. И погубят в этой глуши свои лучшие годы. От распределения хорошо спасал брак с лейтенантом-танкистом. Правда, приходилось ехать вместе с мужем в далекий гарнизон и там трудоустроиваться хоть кем – кассиршей в магазине, секретаршей на свечном заводике. Но все лучше, чем в деревенскую школу! А танкисты тоже понимали – разумнее везти с собой молодую и хорошенькую жену, чем в несусветной глуши перебиваться случайными любовными утехами. Поэтому несколько раз в год будущие учительницы и курсанты устраивали совместные вечера отдыха.

Илона пошла на тот вечер, чтобы подружка Алла не чувствовала себя совсем одинокой. Аллу почему-то никогда не приглашали танцевать, а она очень хотела кому-нибудь понравиться.

Яр стоял на противоположном конце актового зала. Сперва Илона подумала, что вот уже бредит наяву: не мог Андрей Буревой прийти на эти танцульки! Взгляды встретились, Яр пошел к ней через весь зал, и она пошла навстречу.

Сходство было, значительное сходство, но, если бы Яр и Буревой стояли рядом, Илона смогла бы их различить запросто.

– Ярослав, – представился он. – Но не Слава и не Славик. Просто – Яр. Славик – это пошло. Быть в тридцать лет Славиком – это предел пошлости.

Яр потанцевал с Аллой, потом с Илоной, потом опять с Аллой; после одиннадцати пошел их провожать – сперва Аллу, она жила ближе, потом Илону. Возле подъезда полез целоваться и услышал гордое:

– Ты чего?! Я люблю другого!

Они говорили о любви до двух часов ночи, а на прощание Яр сказал комплимент:

– Ты, мне кажется, однолюбка.

Комплиментом это было вот почему: двоюродная сестра матери, с которой Илона очень хорошо ладила, после смерти мужа отказалась выходить замуж, объявив себя однолюбкой, и вся родня говорила об этом с восхищением. Не то чтобы Илона так уж считалась с мнением родни, но, влюбившись в Буревоего, поняла, как можно хранить верность своему единственному и неповторимому.

– Да, – ответила она Яру.

– Как ты это хорошо сказала. Всего одно слово – и в нем весь твой характер, – ответил он. – Слушай, а ты никогда не хотела стать артисткой?

– С чего ты взял?

– Ты так это красиво сказала – как в кино. Ты что, ни разу не пробовала, ни в какую студию не ходила?

– Не-ет... – призналась озадаченная Илона. В школе ее заставляли читать стихи «с выражением», и она это «выражение» просто возненавидела.

– Знаешь, где вагоностроительный?

– Ну?

Завод был на самой окраине, Илона бывала в тех краях хорошо если раз в год, но вывеску помнила.

– Там в ДК есть театральная студия, очень хорошая, сходи, может, примут. Сходи! Может, это твой шанс! Ты что, хочешь стать училкой?

Этого Илона совсем не хотела – хотя бы потому, что придется остричь волосы.

Она носила их распущенными, кончики доставали до ложбинки на попе, но в класс так не войдешь. Выбор простой: либо узел, классическая кичка, которая Илоне не шла совершенно, или стрижка. Да и кто поступает в педагогический, чтобы потом попасть в деревенскую школу? Все как-то ухитряются отвертеться. Илона выбрала этот институт, потому что ей казалось – там будет легко учиться. И все одноклассники куда-то поступали, кроме самых бестолковых.

С некоторым трудом спровадив Яра, Илона поднялась к себе, прокралась в свой уголок и, поцеловав на ночь портрет Буревоего, уснула.

Проснувшись она с твердым намерением доехать до ДК вагоностроительного завода и посмотреть, что там за студия такая.

Дом культуры был самым обычным – в меру занюханым, но очень удобным – заводчане могли туда попасть прямо с территории, привыкли сдавать детишек в танцевальный, авиамодельный, вокальный и прочие кружки, там же разместился и заводской комитет комсомола. Илона вошла с улицы и спросила про театральную студию. Вахтерша сказала, что студия репетирует в зале, на сцене, то дважды, то трижды в неделю, но не по расписанию, а когда руководитель может прийти.

Илона, уже сильно сомневаясь, нужна ли ей эта авантюра, пересекла малое фойе, потом большое фойе с выставкой работ местных скульпторов, и на входе в зал столкнулась с огромным парнем.

– Убью! Всех убью! – крикнул парень и побежал к выходу. Дверь за ним захлопнулась, потом опять отворилась.

В дверном проеме стоял Андрей Буревой.

– Можешь не возвращаться! – закричал он вслед парню. – Тоже мне примадонна!

И до Илоны дошло – Буревой и есть руководитель студии «Аншлаг». После чего все отступило на задний план – родители, учеба, одноклассники, однокурсницы, домашние дела. Было только одно – бесценная возможность трижды в неделю проводить вечер в компании Буревоего.

Тогда она вошла в зал, не чуя под собой ног, села с краешку на самом заднем ряду и зачарованно смотрела, как студийцы, чуть не спотыкаясь, ходят по сцене и бормочут реплики, безбожно их перевирая.

Буревой нанялся руководить заводской студией, потому что завод был богатый и мог позволить своему ДК ставку режиссера с хорошим окладом – это раз, а два – в театре его занимали в спектаклях не так уж часто, он же был полон энергии и замыслов. В конце концов, «Аншлаг» – это простор для экспериментов и на виду у всех, и у прессы, и у горкома комсомола. От обязательки, от агитбригадных сценариев, от поэтической композиции

к 7 ноября никуда не денешься, но где бы еще он мог сыграть роль Томаса-Рифмача? Внешность героя-любownika сбивала театральное начальство с толку, а Буревой хотел попробовать себя и в комических, и в гротесковых ролях. Пьеса «Большеротая», отличная комедия, как раз за то и оказалась выбрана – Томас-Рифмач был во всех сценах разным, в эпизодах с Леди-в-зеленом – любовником, которого замучила властная любовница, в эпизодах с семейством Мэррей – самонадеянным поэтом, в эпизодах с Вилли... но тут он еще не определился и ждал озарения.

Зрение у Буревоего было отличное, и он сразу заметил со сцены красивую девчонку в заднем ряду, сидящую так прямо, будто аршин проглотила. Красивые и тоненькие были необходимы для агитбригады – таланта от них не требовалось, только звонкие голоса и хорошая память. Его любимица, Вероника, могла сыграть все, что угодно, хоть Гамлета, хоть Фальстафа, хоть леди Макбет, да так, что мороз по коже. Но Вероника была некрасива, с толстыми ногами. В роли Мэгги она хоть могла их спрятать под длинной юбкой. Выпускать эту девушку на городской смотр агитбригад он не мог и не хотел. Однако на сцене следовало быть хотя бы шести девчонкам...

Буревой соскочил в зал и пошел к Илоне. Она встала и поняла, что говорить не может, то есть – вообще не может, что-то в горле нарушилось.

– К нам? – спросил Буревой.

Она кивнула.

– Вот и здорово. После репетиции поговорим.

Он убежал и так легко вспорхнул на сцену, будто напрочь отверг законы гравитации.

Илона схватилась за щеки – ощутила внезапный жар румянца. Сбылось, сбылось!

То, что жизнь дочки обрела тайный смысл, первым заметил отец.

– Ты вот что, – сказал он. – Я все понимаю, молодость и все такое... Но ты это, в общем, поаккуратнее.

Илона посмотрела на него не то что с изумлением, а даже с некоторым испугом. Этот человек, женившийся потому, что настало время жениться, и взявший за себя девушку, которой пришла пора выходить замуж, не мог понять, что происходит, хоть тресни! У него не было тех органов чувств, чтобы воспринять и уразуметь это. Родители свили гнездо, заботились о гнезде, родили и вырастили дочь – их задача на земле была выполнена, им оставалось только ждать приближения старости. В их жизни не было того безумия, которое гонит ночью стоять под окнами любимого существа, просто стоять – и ощущать близость.

Кончилось тем, что Буревой после успешного выступления в «Коммунарах» дал ей роль Мэгги во втором составе. Это так совпало с сессией, что Илона просто забыла про зачеты и экзамены. Роль была изумительная. Буревой то ругал, то хвалил, и жизнь стала насыщенной беспредельно.

– Никуда ты не поедешь, – сказала мать. – Хватит!

– Тебе шести копеек на трамвай жалко?

– Да! Жалко! Ты их сперва заработай, эти шесть копеек!

Но пропустить репетицию Илона не могла. Она выскочила из квартиры, хлопнув дверью, и забежала к соседке тете Тане.

– Теть-Тань, можно от вас позвонить?

– Ну, звони...

– Яр? Яр, это я! Слушай, Яр, ты можешь одолжить мне рубль?

Просить в долг шесть копеек – это было уж слишком.

Деньги у Яра водились, это Илона знала точно. И приятелем он был хорошим, надежным, после того вечера целоваться больше не лез, да и тогда полез скорее ради приличия: как это, проводить девчонку – и не поцеловать? Иногда он звонил, приглашал выпить кофе, но не у себя дома – Боже упаси, Илоне с пеленок внушили, что навещать молодого человека и сидеть с ним

наедине в его жилище – стыдно, опасно и неприлично. Но Илона не считала Яра совсем уж молодым – ему тридцатник, примерно одних лет с Буревым.

– Могу, конечно, а что случилось?

– Ты сейчас где?

– Собираюсь на вокзал, встречать поезд.

– Подожди меня, я сейчас прибегу! Стой – знаешь, где? У пригородных касс! Я через четверть часа там буду.

В прихожей у тети Тани над телефонным столиком висело зеркало. Илона оглядела себя – ну, скромненько, но все так ходят: черная битловка и джинсы, купленные родителями полгода назад, пока дочь еще не вылетела из института. Фигурка в порядке, а распущенные волосы – лучшее украшение.

– Держи рубль, – сказал Яр. – Тебе точно хватит?

– Точно хватит.

– Как у тебя с «Аншлагом»?

– Дали роль Мэгги, – похвасталась Илона, не докладывая про второй состав. – Приходи на премьеру!

– Что вы там ставите?

– Замечательную пьесу, называется «Большеротая». Сам Буревой играет Томаса-Рифмача. И как играет!

– Я же говорил, что тебе там самое место.

Яр улыбнулся и стал еще больше похож на Буревоего. Только у того глаза синие, аквама-риновые глаза, а у Яра темные, и у Буревоего черты лица острее, суше, но Буревой – один такой в мире, второго в природе нет, подумала Илона. И помчалась на репетицию.

Вернулась она за полночь, родители уже спали. Встала ближе к полудню. И оказалось, что ей приготовили сюрприз. Мать позвонила и сказала:

– Я встретила Варвару Павловну, она сказала, что им в редакции нужен дневной корректор. Так что с понедельника ты будешь ходить на работу. Работа – с двенадцати и сколько потребуется. Иногда в семь отпускают, иногда в девять. Поняла?

– Поняла! – воскликнула Илона. Что такое корректор, да еще дневной, она понятия не имела. Но график ее устраивал, а то, что мать соизволила пойти навстречу, даже радовало. Очевидно, родители не были так безнадежны, как ей казалось.

О газетах Илона имела темное понятие. В сущности, никакого – разве что ревновала к Ире из заводской многотиражки. Ира писала про все события «Аншлага», и Буревой водил ее пить кофе в буфете. Они сидели рядышком и ворковали – а Илона смотрела сквозь стеклянную дверь и злилась. Ира, впрочем, относилась к ней прекрасно и даже подарила клише. Или притворялась, что относится прекрасно? А сама втихаря издевалась над Илоной любовью? Этого Илона не понимала.

Мать объяснила, куда идти и как найти Варвару Павловну. Это нужно было сделать немедленно.

– У меня нет денег на троллейбус, – сказала Илона. – Это восемь копеек.

– Сдай бутылки – там есть большая молочная и две из-под кефира, – велела мать. – Это – двадцать и тридцать – это пятьдесят копеек. Восемь на троллейбус туда и обратно, на остальные купишь батон за двадцать две и булочек к ужину.

На завтрак Илоне были оставлены хлеб, масло и докторская колбаса. Она поела и отправилась в редакцию.

Газет в городе было три, да еще заводские и фабричные многотиражки. Две выходили утром, одна – вечером. Как раз в утренней и работала Варвара Павловна – возглавляла корректуру. Мать была с ней знакома потому, что когда-то она дружила со старшей сестрой, Верой, Илоной теткой. Было это, как считала Илона, во времена доисторические – сразу после

войны. Фотографии той поры вызывали ужас – это ж надо так уродски стричься и одеваться! Примерно такой же, как найденная в материнской коробке с бусами бабкина брошка.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Илона услышала бодрый и залихватский мужской голос:

– Привет работникам пера, не написавшим ни хера!

Она от неожиданности остановилась. Начало было многообещающее.

Корректурa занимала две комнаты – большую и маленькую, в аппендиксе длинного коридора. Варвара Павловна сидела в большой. Она выглядела именно так, как должна выглядеть пятидесятилетняя старуха: большая, основательная, с губами нечеловеческого цвета и с какой-то несуразной завивкой.

– Выход у нас пять раз в неделю, – сказала она. – Выходные – среда и суббота. Сейчас проверим на глазастость. Лида! Ты еще вчерашние гранки не убрала? Дай ей почитать!

Лида, похожая на Варвару Павловну, такая же задастая и грудастая, только лет на тридцать помоложе и с той самой кичкой на макушке, которая казалась Илоне символом всего отвратительно-бабского, откопала на полке рулончики и развернула их в длинные, сантиметров семидесяти, бумажные полосы.

Каждая полоса была десятисантиметровой ширины, сверху донизу шли прерывистые колонки текста.

– Садись вот тут, у окна... Авторучка есть? – спросила Лида. – Нет? Погоди...

Она достала из сумки запасную. Сумка у нее тоже была бабская – как у Илоновой мамы, чтобы, спеша с работы, затолкать туда хлеб, банку сметаны, даже пачку пельменей.

Вошла еще одна корректорша, одетая – как картинка из эстонского журнала «Силуэт». Особенно изумил Илону изящный длинный жилет.

– Вот, – сказала она, кладя на стол гранки, исчерканные синим и сколотые скрепкой. – Опять отдел партийной жизни невычитанные оригиналы в набор отдает! Варвара Павловна, нужно докладную писать, сколько можно?

Эта корректорша Илоне сразу не понравилась.

Как бы ни протестовала Илона против материнских жизненных правил, а кое-что приняла без рассуждений. Нельзя цеплять на себя все золото, сколько его есть в хозяйстве, это неприлично. А корректорша в модном жилете носила большие золотые серьги, кулон на толстой золотой цепочке, два кольца невероятной стоимости, золотые часы на золотом же браслете. То есть – хвасталась богатством на полную катушку.

Корректорша посмотрела на Илону с любопытством, и взгляд был очень неприятный, взгляд спрашивал: ну, это что еще за насекомое?

– Это Ветлугин опять? – спросила Варвара Павловна. – Сил моих больше нет... Регина, добеги до Петренко, скажи, что я прошу зайти. Лида, ты там припасла все ветлугинские перлы? Ну-ка, откопай их.

– Давно пора, – сказала Лида. – Варвара Павловна, мне нужно на полчаса выскочить.

– Найди оригиналы и беги, пока третья полоса не пришла.

Все эти слова были пока для Илоны китайской грамотой. Она села к окну и стала читать кривые колонки. Ошибки были, и она их подчеркивала.

– Ну, как? – спросила Варвара Павловна.

– Вот, шесть штук.

– Покажи.

Лида тоже подошла посмотреть.

– Вот тут перескок, – сказала она, ткнув авторучкой в гранку. – И тут перенос неправильный.

Илона изумилась – Лида вроде и не читала, а сразу увидела посреди гранки две ошибки.

– Учись, Илоночка, – усмехнулась Варвара Павловна. – Вот так работают профессионалы. Ну, попробуем взять тебя на месяц. Если хорошо пойдет – оформим на постоянно.

Спрашивать о зарплате Илона не стала – как-то неприлично сходу говорить о деньгах; к тому же, этот вопрос может и мать утрясти, она ведь будет звонить Варваре Павловне.

Оказалось – деньги небольшие, восемьдесят рублей в месяц, ну так и рабочий день неполный. И началась насыщенная жизнь – из редакции Илона, жуя на ходу булочку с корицей, неслась к трамвайной остановке – ехать в ДК, или бежала в театр – если давали спектакль с Буревым. После спектакля она ждала Буревоего у служебного входа – нужно было понять, есть у него что-то с актрисой Гончаровой, или они случайно оказались вместе в троллейбусе, увозившем их после спектакля. Домой Илона возвращалась около полуночи и, засыпая на ходу, ужинала, устраивала постирушку, расстилала постель.

Репетиции были счастьем всей жизни. Но ставили не только «Большеротую» – в обязанности Буревоего входила и подготовка агитбригады для участия в районном, городском и прочих смотрах. В агитбригаду удалось завербовать человек шесть заводских комсомольцев, но талантами они не блистали, и основную нагрузку тащили на себе аншлаговцы. Привлекались также ребята из вокального кружка, но с ними был сущий цирк – двое парней считали себя оперными певцами и обычную «Песню о тревожной молодости» исполняли так, что у Буревоего глаза на лоб лезли.

Репетиции «Большеротой» вносили в жизнь смысл. Буревой в роли Томаса-Рифмача импровизировал, хулиганил, мог обнять Мэгги за плечи и даже шлепнуть по задку. Когда Мэгги была Вероника, а Илона смотрела из зала, это чуть до слез не доводило. Еще хуже получалось, когда Мэгги была она сама – тут же вылетал из головы текст, а тело становилось деревянным.

Его быстрая улыбка, его сильные пальцы просто сводили с ума.

Беда пришла, откуда не ждали. Практически оборвав репетицию на полуслове, Буревой удрал. Илона, не беспокоясь, что подумает вся студия, понеслась следом. Нагнав Буревоего на остановке, она вскочила в тот же трамвай, только он сел в первый вагон, а она – во второй. Они доехали до центра, он выскочил, она успела это заметить и выскочила следом. Азарт погони и страх на равных владели ею. Он поспешил не домой, а совсем в другую сторону, по пути заскочил в телефонную будку. Илона следила из-за припаркованного грузовика. Разговор был коротким – Буревой вышел из будки и даже не пошел, а побежал к шестиэтажному дому. Туда за ним врываться Илона не стала.

Она ждала полчаса – пока не поняла, что в этом доме он собрался ночевать. Тогда она позвонила Яру.

Яр не спал – он, как Илона подозревала, фарцевал и, где-то официально числясь на работе, то ли кочегаром, то ли грузчиком, имел ночной бизнес – принимал и передавал товар, явно смастряченный в тайных цыганских мастерских. Почему она так решила – и сама не знала; возможно, потому, что он про свою учебу и работу ничего не рассказывал, отшучивался.

– Яр? Яр, слушай, мне очень, очень плохо...

– Ты где? – сразу спросил он.

– Я... погоди...

Она вдруг забыла название улицы и заревела в три ручья.

С немалым трудом Яр выпытал у нее название трамвайной остановки.

– А что напротив телефонной будки? – спросил он. – Сквер или киношка?

– Кажется, киношка...

– Стой там, никуда не уходи.

Он примчался на такси, выскочил, чуть ли не пинками загнал Илону в машину, сел сам.

– Нечего тебе тут делать, поехали! Шеф, в аэропорт!

– Почему в аэропорт? – удивилась Илона.

– Потому что там кафе круглосуточное!

Яр рассчитал правильно – Илона ни разу не была в аэропорту, ночной рывок через весь город и малость потусторонняя обстановка здорового сарая из стекла и бетона стали для нее спасительной авантюрой.

Она еще в такси пыталась рассказать все сразу, но он не давал. И только в бессонном кафе, в самом углу, за чашкой дурного, но очень крепкого кофе, она смогла наконец выговориться.

– Знаешь, это беда, – серьезно сказал Яр. – Я тебе объясню так, как сам понимаю. Вот, допустим, есть Господь Бог...

– Ты что, веришь в Бога?

– Я сказал – допустим, – Яр поморщился. – Ну, считай, что... впрочем, это не вопрос веры... В общем, представь – рождается ребенок, и ему выдается сразу весь запас любви, на всю жизнь – ну, вроде командировочных, что ли... Одному – больше, одному – меньше. И вот тебе выдан очень большой запас – я так это понимаю. Это жутко, но это так. Поэтому ты так любишь Буревоего. Всю любовь, сколько в тебе есть, ему отдаешь. Это не всем дано! И еще ты однолюбка. Этот Буревой – твой единственный. В общем, хочет он или не хочет, а будет твоим.

Илона невольно улыбнулась.

– А как? – спросила она.

– Откуда я знаю – как? Может быть, он попрыгает, попрыгает по койкам и поймет, что ты – лучшая? С нами, мужиками, так бывает. Нагулялся – и взял ту, которая тебя по-настоящему любит. У меня дядька так женился.

– Ты это серьезно?

Илона вдруг поняла, что совершенно не знает мужчин. Мальчиков она как раз знала – одноклассников, целовалась с ними без особого волнения, скорее из любопытства, знала, как ими можно управлять. Взрослый тридцатилетний мужчина Буревой был во многих отношениях выше ее разума. Ей и в голову не приходило, что он может относиться к женщинам не так, как теоретически должен был бы.

– Я это серьезно, крошка. Любовь такой женщины, как ты, – незаслуженный приз для каждого мужчины. Ведь твой мужчина всегда будет в тебе уверен, ты не бросишь, не предашь. Повезло твоему Буревому! Пей кофе, остынет же.

– Яр, что мне делать?

– Ну, что делать? Любить и ждать. Он должен в конце концов понять – мой дядька же понял.

– Но, выходит, он не полюбит меня, а просто поймет, что я – лучшая?

– Сколько ему лет? Тридцатник? Ну так успокойся – в этом возрасте мужчины не влюбляются, как в шестнадцать. Они уже смотрят на это дело с точки зрения ума...

– Яр, а тебе сколько лет?

– Да как раз тридцатник. Поэтому и знаю.

Он был очень похож на Буревоего, но чего-то недоставало.

– Значит, думаешь, я не должна уходить из «Аншлага»?

– Это была бы непростительная глупость. Будь рядом с ним, понимаешь? И когда у тебя появится шанс – не упускай этого шанса, вот и все. И он будет с тобой. Допила? Я тебя домой отвезу.

– К себе?!

– Дурочка. У меня есть женщина.

– И что – она так просто тебя ночью отпускает? Не ревнует?

Яр рассмеялся.

– Вот тебе пример правильного мужского расчета. Она проводницей работает, по три, по четыре дня дома не бывает. И надоест друг другу не успеваем, и соскучиться удастся. И фрукты свежие привозит с юга. Все по уму!

– Яр, ты ее любишь?

– Люблю. Не так, как ты Буревого, но люблю. В соответствии с тем запасом, который я получил при рождении.

Он встал, встала и Илона.

– А она тебя любит?

– Пока – терпит.

Она вышли на площадь перед аэропортом, там дежурило полдюжины такси, шоферы дремали. Яр довез Илону до дома и пожелал спокойной ночи. Как ни странно, после всех страданий и крепкого кофе она быстро заснула. И заснула очень крепко – проспала все на свете, не услышала будильника и опоздала на работу.

Нельзя сказать, что работа ей совсем уж не нравилась. Там случалось много смешного – как будто в линооты порой вселялся бес и устраивал невероятные опечатки. Опять же, интриги. Корректоров было семь – по трое в каждой смене плюс дневной корректор. Заведовала этим коллективом Варвара Павловна, она же возглавляла первую смену. Во второй работали Ася, Тамара и Жанна, которая на самом деле была Женей, Евгенией. Между сменами были давние нелады, внутри смен – тоже. Плохо переносили друг друга Лида и Регина. Лида однажды уже хотела перейти в другую смену, но там не нашлось желающих работать с Варварой Павловной, дамой довольно норовистой, и с Региной.

Как раз с Варварой Павловной Лида отлично ладила. Мало того, что между ними было природное сходство, так Лида еще и, вольно или невольно, старалась ей подражать. Ее повадки, ее интонации казались Лиде очень подходящими для будущей карьеры. А сделать карьеру она хотела – в разумных пределах, конечно. Хотя для девушки из захолустья работа в редакции городской газеты – это уже взлет в звездные выси.

Особенно конфликт обострился, когда Лида собралась замуж.

Как-то так исторически сложилось, что к Регине не сватались. Хотя она была невеста с приданым, родня (отец умер довольно давно) не жалела на нее денег, и на работу она пошла только потому, что быть тунеядцем и тунеядкой опасно – те же соседи могли проявить совершенно ненужный интерес и узнать много неожиданного про Регино семейство. В редакции было несколько неженатых журналистов, но Регина, одетая с иголки и увешанная золотом, интересовала их куда меньше, чем отчаянная Людка из молодежного отдела, тощая, глазастая, язвистая и способная на благородные безумства.

Вообще редакционные мужчины, журналисты и работники секретариата, казались Илоне безумцами и чудаками. Они могли, запершись в спортивном отделе, устроить глобальную пьянку; могли ворваться в корректорскую, когда все полосы уже были подписаны в печать, с криком: «Мне нужно внести правку!»; могли громогласно рассказать такой анекдот, что уши вяли. Насчет их талантов Илона была в большом сомнении – писали они коряво и даже с орфографическими ошибками. Но они часто набредали на болевые точки городской жизни и заваривали кашу, в которую вмешивались то горком комсомола, то горком партии, то горисполком. На корректорш они практически не обращали внимания – очень уж много о себе понимали.

Ася, Тамара и Жанна считали, что Регина ждет принца на белой лошади. Они-то уже повыходили замуж и могли вволю потешаться над старой девой. А вот Лиду они одобряли – не стала разминивать себя, не стала и нос задирать, а дождалась хорошего человека и сразу приняла правильное решение. Правда, хороший человек – вовсе даже не принц, не красавец писанный и не главный инженер завода, без избыточного образования, а всего лишь механик рефрижераторного вагона и ездит с целым составом рефрижераторов по всему Союзу. Ну так оно и неплохо – хотя зарабатывать мог бы и побольше.

– Они хорошая пара, – считала благоразумная Ася.

Илона видела этого Бориса – Бориса Петровича, как уважительно называла его Лида. Ну и в самом деле ничего особенного – крупный, рукастый, физиономия – как съязвила однажды Варвара Павловна, в сковородку не поместится. Илоне такие основательные мужчины не нравились. Не было в них искры. Так ведь и в Лиде никакой такой особой искры не было. А была именно что основательность. Она заочно окончила какой-то институт, где готовят редакторов, в корректуре нарабатывала опыт и хотела перейти в издательство общественно-политической литературы – там платили гораздо больше. Но в издательство еще попасть надо – и Лида подготавливала это эпохальное событие с первых же дней работы в редакции.

Там, разумеется, была комсомольская ячейка, и она сразу, встав на учет, начала проявлять инициативу. Прежде всего она наладила выпуск стенгазеты ко всем календарным праздникам, потом с немалым трудом организовала субботник. В райкоме комсомола обратили на нее внимание, она стала комсоргом, а парторг редакции, Вахтанг Шалвович, намекнул ей, что пора подумать и о партии. Лида принялась добывать партбилет с той же несокрушимой уверенностью в себе, с какой ездила раньше на сессии.

Регину вся эта деятельность смешила – она не понимала, как можно всерьез заниматься такими глупостями, ладно бы еще партийным к зарплате прибавка была. Однажды Варвара Павловна, коммунистка с сорок третьего года, так ее одернула – Регина две недели ходила тише воды, ниже травы. Это вошло в анналы корректуры.

Была у нее с Варварой Павловной и другая стычка – уже при Илоне. Регина иногда приносила на продажу дорогие шмотки и устраивала в маленькой корректорской целые торги. Варвара Павловна почти не ворчала, однажды даже сказала:

– А что, девкам нужно же наряжаться.

Но Регина принесла продавать какие-то книжки. Илона даже не видела их – она была в типографии, стояла над душой у наборщицы Любки, чтобы как можно скорее получить гранки с официозом. Когда она вернулась, разборка уже закончилась.

– Чтоб этого базара в конторе больше не было! Поняла, нет?! – рявкнула Варвара Павловна. – Ишь, барахолку развела! Еще раз узнаю, что ты тут спекулируешь – вылетишь из редакции, как пустое ведро, со свистом! В дворники не возьмут!

А слово Варвары Павловны имело-таки вес. Фронтовичка!

Будь Варвара Павловна при том, как Регина обидела Лиду, – точно бы дело кончилось большим скандалом. А Регина после примерно двух недель затишья сказала по поводу Лидиной грядущей свадьбы:

– Вот тоже радость – нищету плодить!

Тут уж Илона налетела на нее с проповедью обязательной для супружества любви и рая в шалаше. Регина сперва даже растерялась. Может, склока бы разрослась, но в маленькую корректорскую заглянул выпускающий Рома – принес из типографии полосы с правленными гранками. А при Роме воевать не стали. Так оно и заглохло.

Но результат был предсказуемый – Лида стала с Илоной дружить. Она научила Илону любить булочки с корицей и особым хитрым образом готовить растворимый кофе – сперва долго растирать порошок с сахаром и капелькой воды, пока масса не посветлеет, и лишь потом доливать кипяток. Получалась красивая пенка.

Растворяшку они брали в столе заказов при типографии – Лида поладила с типографским комсоргом Леной, и та внесла подружку в профкомовские списки. Типографских снабжали хорошо – производство считалось вредным, и им даже дорогой сервелат перепал, даже консервированный лосось, даже кофе в зернах.

И месяца не прошло, как Лида взяла Илону с собой к портнихе на примерку белого платья, а Илона рассказала ей про Буревого и показала фотографии.

Теоретически им бы не следовало дружить, слишком были разные – Лида много читала только перед сессиями, потом вся книжная премудрость у нее из головы успешно вылетела, а на свободное место пришли премудрости домашние, хозяйственные. Если она и покупала книги, то дефицитные кулинарные. Илона же всякий раз, как Буревой поминал всеу какого-нибудь поэта, бежала в библиотеку. Но Илона, сама того не осознавая, уже хотела вить гнездо, Лида же чувствовала, что нет в ее жизни той любви, как в «Песне о тревожной молодости», и потому норовила как-то пристроиться к Илониной любви. Противоречие между тем, что напел в уши комсомол, и тем, какова должна быть реальная жизнь, все же немного мешало ей.

Яр несколько раз забегал в редакцию, однажды даже угостил подружек пирожными с кремом в доменной кухне за углом. Кофе там был из кастрюли, но терпимый. Потом он сказал Илоне:

– Ты за эту Лиду держись, она надежная. Кстати – Бурегово на пробы в Москву вызывают. Имей в виду – он на пробы едет, а не на поиски приключений.

– Ты откуда знаешь?

– Сюда ребята с Мосфильма приезжали, натуру искать. Моя слушала, о чем говорят, запомнила. И туда, и обратно ее вагоном ехали.

А потом случилась беда. Борис Петрович раздумал жениться.

Он, дурак, позвонил в корректуру посреди рабочего дня и сказал в трубку что-то вроде:

– Знаешь, ничего у нас не выйдет, мы не пара.

Никто ничего не понял – Лида аккуратно положила трубку на рычажки и упала.

Варвара Павловна выскочила из-за стола, с трудом опустилась на колени, потрогала Лидино лицо, оттянула веко и заорала на Илону:

– Дура, что стоишь?! «Скорую» вызывай!

Но прежде, чем приехала «скорая», выпускающий Рома добежал до типографского медпункта и привел сестричку Антонину Васильевну с полным боезапасом – нашатырным спиртом, валерьянкой, валидолом и еще какими-то таблетками в коробочках.

В больницу Лиду не повезли, но Варвара Павловна успела пошептаться с фельдшерницей, делавшей укол. Когда «скорая» уехала, Варвара Павловна выгнала всех из корректорской, осталась наедине с Лидой, а потом, когда впустила Илону и Регину, была очень мрачна.

– Регинка, ты у нас самая шустрая, – сказала она. – Бери талмуд, ищи, какая контора в городе рефрижераторами занимается, добывай мне телефон парткома.

– Не надо, – возразила Лида.

– Чего – не надо?

– Ничего не надо.

Регина уже листала здоровенную телефонную книгу, разбухшую от закладок и вклеек, ее в корректуре называли талмудом и очень берегли – там были правильные названия всех предприятий.

– Поговори мне еще! – прикрикнула на Лиду Варвара Павловна. – Илонка, звони Жанне, пусть срочно едет сюда. Они потом с дежурствами разберутся. Звони, звони! Рома, ну-ка, добеги до Бекасова, если машина не в разъездах, скажи – мне нужна на полчаса.

Главный редактор, Бекасов, тоже был фронтовик, они чуть ли не в одной дивизии с Варварой Павловной воевали. Только он был подполковником, а она – связисткой.

Но Лида наотрез отказалась ехать домой и лечь в постель.

Варвара Павловна и Регина отыскивали нужные телефоны. Сразу звонить не стали – Варвара Павловна не хотела воевать при Лиде. Жанна все же приехала, села с Региной сверять полосу, а Илоне было велено вывести Лиду на свежий воздух – продышаться.

От здания, примыкавшего к типографии, где поселилась редакция, было пять минут до парка. Погода к сидению на лавочке не располагала – накрапывал дождь; это, наверно, был последний осенний дождь, и следовало ожидать снегопадов.

– Что я моим скажу?.. – безнадежно спросила Лида.

Ее родители жили в крошечном городишке, в семье старшего брата, и очень верили в светлое будущее своей младшенькой. Брат был не родной, а сводный, из прежней, еще довоенной семьи отца, и Лида, как Илона догадывалась, с ним не очень ладила.

– Ну, скажешь, что он оказался козлом.

– А ребенок?

Тут только до Илоны дошла суть дела.

– Н-ну, ребенок... Н-ну... это же не обязательно? – кое-как выговорила она.

Девушки из «Аншлага» недавно решали точно такую же проблему и общими усилиями искали вменяемого гинеколога для Нади, которая в «Большеротой» играла леди Гризел в первом составе. Все они хвастались своей отвагой – тут выяснилось, что Марина уже успела сделать целых два аборта, и ничего, чувствует себя прекрасно, и ночные кошмары ее не преследуют.

– Я не хочу избавляться от ребенка, – сказала Лида. – Я не могу, понимаешь?

– А что ты с ним будешь делать? Это же – с работы уходить, на что-то жить... Знаешь что? Тебе нужно поговорить с Борисом Петровичем! Может, он вообще пьян! И сам не понимает, что лопочет!

– Не был он пьян.

– Лидка, нужно с ним увидеться. Пока Варвара не позвонила в партком. Он ведь у тебя партийный?

Илона была просто уверена, что правильная Лида не пойдет замуж за беспартийного.

– Я не могу.

– Да что ты заладила – не могу, не могу...

Положение Лиды Илона прекрасно понимала – каких родителей обрадует явление дочки с безотцовщиной на руках? Вот если бы выйти замуж хоть на полгода – другое дело.

– Ну, что я ему скажу? Пожалей меня, дуру, женись на мне?! – вдруг взорвалась Лида.

– Ты хоть понимаешь, почему он передумал?

– Я вообще ничего не понимаю...

– Вот что. Я позвоню Яру, он что-нибудь придумает, – решила Илона.

– Ну, что он может придумать?..

– Не опускай руки, ты что?! Ты совсем уже размазня какая-то? – закричала Илона. Крик был от бессилия – она видела, что сама ничем не может помочь подружке.

Потом они вернулись в редакцию, и Илона вызвонила Яра. Он обещал прийти – и не пришел.

– Ты свободна, – сказала ей Варвара Павловна. – Беги уж в свой театр.

Илона встала у дверей, соображая, что сейчас будет правильно – нестись на репетицию или остаться, чтобы вместе с Лидой поехать к ней домой, на окраину, в комнатуху, которую она снимала у дальней родственницы. Родственница прописала ее у себя, чтобы Лида могла устроиться на работу, но брала за комнатуху бешеные деньги – тридцать рублей.

Немалыми усилиями она принудила себя остаться. До конца смены было еще не меньше полутора часов, Илона пошла в типографский буфет. Там к концу дня оставались обычно пирожки с капустой, очень даже неплохие пирожки по четыре копейки. В буфете к Илоне подошли чумазые наборщицы и верстальщицы, вся бригада, – они уже знали про Лидин обморок.

– Вы, девчонки, завтра же поезжайте к этому сукину сыну на работу, – сказала Любка. – Что, в самом деле, за так-твою-мать? А если Лидке какая-то оторва дорогу перебежала – так ее

шугануть, чтобы вообще про мужиков думать забыла! Скажи – кислоты в зенки плеснешь, поняла?

– Может, она не знала, что у Бориса Петровича есть невеста?

– Не знала – так узнает!

Типографские нравы были просты и незатейливы. Там образовалось несколько пар, состоявших в романах, все это знали – и все молчали. Но если бы у замужней линотипистки кто-то вздумал увести мужа, да она бы пожаловалась подружкам, да привлекли бы к этому делу всех знакомых, – очень скоро у разлучницы начались бы крупные неприятности по служебной линии.

Лида напрочь отказывалась разговаривать, и Илона молча проводила ее до автобусной остановки. Потом подумала – и так же молча села с ней в автобус. Раз уж репетиция не состоялась, то можно и совершить доброе дело. До Савеловки, которую совсем недавно приписали к городу, было сорок минут езды. Все сорок минут Лида, отвернувшись, смотрела в окно, хотя ничего там в темноте не могла увидеть.

В конце концов Илоне стало страшно. Нельзя же так тупо молчать! Страх и острая жалость погнали ее искать телефон-автомат. Она позвонила домой и сказала, что останется ночевать у подруги. И тут такое началось!

Мать приказала немедленно ехать домой. Прозвучала давняя угроза – что случится, если Илона принесет в подоле. Случилось бы жуткое – ее бы с пресловутым подолом просто на порог не пустили. Мать даже блеснула интуицией – заподозрила, что у дочки в «Аншлаге» завелась любовь. И во весь рост встала проблема утраченной и невозстановимой девственности.

Материнская паника перепугала Илону – она поняла, что потеря девственности для матери сродни атомной войне и бомбардировке Хиросимы. Раньше мать так не вопила...

Вдруг Илоне стало смешно – мать что, действительно считает, что девственности можно лишиться только ночью и под одеялом? Она хотела задать этот невинный вопрос, но мать окончательно утратила чувство реальности.

– Мама, автобусы уже не ходят, а денег на такси у меня нет! – заявила Илона. Насчет автобусов – это была чистая правда, а деньги имелись – отложенные на новую сумку. Мать о них не знала – сумку Илона собралась легализовать кружным путем, как будто выменяла ее у Лиды на складной зонтик. Зонтик она сломала, и даже Рома, человек технически грамотный, не сумел его починить.

Рома вообще многое умел и даже обещал научить корректуру поднимать петли на колготках. Из-за одной дорожки выбрасывать новые колготки – это было безумное расточительство, а мастерская, где этот трюк проделывали, находилась не то чтобы на краю света, но по дороге к нему, за десять трамвайных остановок от редакции.

– Если ты там останешься, можешь вообще домой не возвращаться, – сказала мать.

Решив, что эту проблему пусть расхлебывает отец, Илона повесила трубку. Было неприятно и смешно: раньше мать никогда не казалась такой смешной. Раньше, впрочем, между ними было доверие. А теперь вдруг оказалось, что мать совершенно не доверяет Илоне. Ну и пусть думает, что ей угодно!

Лида, не раздеваясь и не разбирая постель, легла на узкий диванчик лицом к стене. Илона села рядом.

– Завтра мы что-нибудь придумаем, – сказала она. – Варвара – ты же знаешь Варвару! Она до ЦК партии дойдет!

Но Лида все равно молчала. В конце концов Илона сняла сапожки, легла рядом, укутала себя и Лиду старым одеялом, заменявшим плед, обняла подругу – если не обнять, то, пожалуй, ночью свалишься на пол. И заснула.

Утром оказалось, что умываться нужно на кухне – ванной в квартире не было. Лида сидела на диване и односложно отвечала на вопросы – это уже было достижением. Илона при-

готовила ей завтрак. Теперь неплохо было бы поехать домой, благо родители ушли на работу и скандал переносится на вечер, переодеться – и в редакцию. Там наверняка были какие-то новости.

– Лидка, поедem ко мне. Примешь душ хотя бы, – сказала Илона.

– Не хочу.

– Как это – не хочу? Тебе нужно ходить чистенькой...

Тут только до Илоны дошло, каких трудов стоил подруге обычный уход за собой: подмыться – и то целое приключение.

Взъерошенная Лида наконец вынула из волос длинные черные шпильки, и тут оказалось, что ее прическа, строгая прическа деловой женщины, да и не только деловой, модная в шестидесятые годы, состоит из двух частей: собственно волосы, живые, растущие на голове, и ком не-пойми-чего, обмотанный темными нитками. Этот ком Лида приспособливалась на макушке, обтягивала своими волосами, и получалась прическа, достойная правильного будущего безупречной женщины. Такие женщины одним своим видом должны вызывать уважение – и Лида, очевидно, подцепила идею у школьной учительницы, строгой и в идейном отношении совершенно безупречной.

Илона впервые увидела Лиду с распущенными волосами и даже удивилась – есть, оказывается, девушки, которым такая вольная прическа совсем не к лицу. Крупное Лидино лицо как раз и требовало шиша на макушке, и чтоб ни одна прядка не выбивалась. А вот круглолицая Вероника носила распущенные волосы – и ничего...

– И что, ты так и просидишь тут весь день одна? – спросила Илона. – Едем в контору! Может, Варвара уже все провернула, ты же ее знаешь – она такая!

С большим трудом ей удалось выковырять Лиду из комнатухи и привезти к себе домой. На лестничной площадке Илона увидела молодую женщину, сидевшую на чемодане.

– Галка, ты, что ли? – удивилась она.

– Илонка! Я это, я!

Галочка, дочь соседки тети Тани, три года назад окончила что-то непроизносимо-техническое и как молодой специалист уехала по распределению в какую-то невозможную тьмутаракань. Собственно, на три года ее туда и сослало государство поднимать химическую промышленность, и тетя Таня уже принялась ждать ее обратно. Однако Галочка застряла, по телефону и в письмах намекала на знаменательные события, тетя Таня сильно беспокоилась – ну как выскочит замуж за тамошнего первого парня на деревне и похоронит себя в глуши?

– Ты чего тут сидишь? Тети Тани дома нет?

– Наверно, она мою телеграмму не получила. Илонка, поздравь – я замуж вышла!

Галочка встала, чтобы обняться и расцеловаться с соседкой, и тут стал виден ее округлый аккуратный животик. Он высунулся из расстегнутого пальто, словно самостоятельный любопытный зверек: ну-ка, что в мире творится?

– Ой, поздравляю, поздравляю! – воскликнула Илона. – Идем к нам, что ты на лестнице? Идем, идем! Я тебя чаем напою, у нас хороший, маме в столе заказов сунули в пакет какой-то импортный, ошиблись пакетом, наверно.

Лида молча отошла в сторонку и стала совершенно беззвучно спускаться по лестнице.

– Чай – это здорово! – согласилась Галочка. – Ты как? Учишься?

– Я ушла из института, но это все неважно! Вот, работаю...

Галочка встала, и Илона подхватила ее чемодан.

– Что ж ты? Как же ты – без диплома? – искренне удивилась Галочка, которую ее химический диплом загнал в тьмутаракань. – Ладно, я с тобой еще разберусь! Я еще Толика с тобой познакомлю, он тебе мозги вправит!

– Какого Толика?

– Моего Толика!

Ох, как она произнесла это «моего» – со всей женской гордостью, какая только возможна, и со святым убеждением – весь мир должен знать, что этот замечательный Толик принадлежит ей, Галочке.

Тут только где-то внизу застучали каблуки.

– Лидка!.. – воскликнула Илона и побежала догонять подругу. Но Лида скрылась – как будто в воздухе растворилась.

– Мне на работу скоро, – сказала Илона Галочке. – Сейчас душ приму и побегу. А ты тут хозяйничай. И тете Тане названивай. Будешь уходить – захлопнешь дверь.

– Можно полежать на твоём диване? – спросила Галочка.

– Лежи на здоровье!

– Понимаешь, я страшно устала, да еще этот чемоданище...

– Так надо было сидеть на вокзале и всем звонить из автомата – кто-нибудь бы за тобой приехал!

Илона только что осознала – маленькая худенькая Галочка, чуть ли не на восьмом месяце беременности, физически не могла управиться с чемоданом. Однако ж как-то у нее это получилось.

Галочка была из тех девочек, которые не стареют, не стареют – и вдруг оказываются пожилыми морщинистыми обезьянками. Если бы она подстриглась чуть покороче и иначе выпустила на лоб челку, ее можно было бы принять за двенадцатилетнего мальчишку. Аккуратная черная шапочка густых и блестящих волос всегда была предметом тайной зависти Илоной мамы.

Выйдя из ванной, Илона позвонила Яру. Он оказался возле телефона.

– Извини, – сказал Яр. – Моя тут устроила мне праздник... Пришлось в больницу везти. Я и не знал, что она подзалетела. Молчала, дура! Ей лежать надо было все девять месяцев, а она – то на юг, то в Минск... В общем, все плохо. Врет, будто не знала! Двадцать восемь лет дуре – «не знала»!

– Ужас... – прошептала Илона.

– Я сейчас к ней еду, всю эту требуху везу – халат, шлепанцы. Ты уж извини, крошка. Я тебе из больницы позвоню.

– Яр, Яр, не бросай трубку!

– Потом, потом, через два часа! Пока!

Время уже ощутимо подстегивало.

– Ты беги, беги, – сказала Галочка. – Я тут сама справлюсь.

Илона понеслась в редакцию.

Вторая смена ждала ее с нетерпением – Жанна все рассказала. Но Илона мало что могла объяснить. Позвонили Варваре Павловне – той не было дома. Позвонили Регине – Регина тоже где-то пропадала. Ее матушка-домохозяйка знала только, что доченька умелась очень рано.

Рома принес из типографии гранки, еще влажные; смущаясь, спросил, как там Лида. Илона объяснила ситуацию.

– Может, она к своим поехала? – спросил Рома.

– Она матери до полусмерти боится, – вместо Илоны ответила Ася. – Там маманька – о-го-го! Светило нравственности! Скорее уж побежала к врачу – избавляться...

– Это тоже не так просто, – заметила Тамара. – Мне по большому благу с наркозом делали – и то чуча проблем.

Вдруг вошла Варвара Павловна, за ней – Регина.

– Плохо дело, девки, – сказала Варвара Павловна. – Этот ее Козел Петрович, оказывается, две недели как уволился. Вроде бы его рыбаки сманили на рефрижератор. Но куда – хрен его

знает. Может, в Ригу, может, в Калининград, может, вовсе во Владивосток. Но мне дали его адрес. Вечером мы с Лешей съездим.

Леша был ее младшим сыном; старший, Гена, пошел по комсомольской линии, был вызван в Москву и всюду покорял столицу – с железной хваткой хорошо подготовленного к бою провинциала.

– Очень я сомневаюсь, что он там сидит и ждет, – заметила Регина. И сделала едва заметный жест, который и Ася, и Жанна, и Тамара поняли правильно: девчонки, у меня в сумке кое-что есть, я – в маленькую корректорскую...

– Я его из-под земли достану, – сказала Варвара Павловна. – Илонка, это тебе наука: до свадьбы – ни-ни.

Регина покосилась на начальницу: вроде бы она тоже была на выданье, а ее Варвара Павловна потенциальной невестой и матерью не считала.

После смены Илона, оттягивая мерзкий миг объяснения с родителями, поехала к Лиде. Лиды дома не было. Тогда Илона из автомата позвонила домой Варваре Павловне.

– Были мы у Козла Петровича. Он перед тем, как уехать, квартирантов пустил. Сказали – на полгода, а дальше будет видно. Основательно готовился, гаденыш. А Лидка, наверно, в больнице, на чистке. У нее какая-то сестра-не-сестра во второй городской работает. Посмотрим – если завтра не выйдет на смену, будем искать. Вот не было печали, так черти накачали!

У Илоны был еще один двухкопеечный, она позвонила Яру.

– Слушай, ее нужно искать уже сейчас! – воскликнул Яр. – Моя-то дуреха ребенка потеряла. Понимаешь? Лежит, ревет в три ручья, лягушка-путешественница! Живо в эту самую вторую городскую! Я там через полчаса буду!

– А твоя?

– С ней мать и сестра. Она меня даже видеть не хочет. Говорит – я во всем виноват. Я – понимаешь? Я ее в проводницы устроил! Я! Я ей график составлял! Ладно, встречаемся в больнице. Там перед приемным покоем такой жуткий предбанник. Жди меня до упора.

Яр явился, как и обещал, через полчаса.

Предбанник оказался до того жутким и вонючим, что Илона чуть не сбежала. Яр вошел, помотал головой, вытряхивая из волос первые снежинки.

– Илонка, ты даже не представляешь, как все плохо... Пошли, я тут ориентируюсь. Будем искать твою Лидку.

Поиски обошлись в рубль – именно за эту цену пожилая санитарка довела Яра с Илоной по служебным коридорам до палаты, где лежала Лидка. Палата была – как в первую мировую, коек этак на двенадцать, и провоняла хлоркой.

Лидка лежала у окна, отвернувшись от всего жалкого мирка и укрывшись с головой. Яр остался в коридоре, Илона вошла и не сразу сообразила, где тут подруга.

– Лидка! – в растерянности позвала она. – Лидка, я же знаю, что ты здесь!

– Что, отговаривать пришла? – спросила женщина лет сорока, а может, и пятидесяти; больничная сорочка и отсутствие косметики могут и тридцать с семьюдесятью уравнять.

– Да, – ответила Илона.

– Ну, попробуй. А вообще это – ничего страшного, – сообщила женщина. – Если пузо не ко времени, так чего мучиться? Выйдет замуж – других нарожает.

– Лидка!

– Да вот она, – подсказали Илоне. – Совсем того...

Илона стала трясти Лиду за плечо. Та наконец повернулась и посмотрела такими измененными глазами, что Илоне стало стыдно.

– Давай выйдем, – тихо сказала Илона. – Не тут же говорить.

– Зря ты пришла. Ну, зря. Я сама во всем виновата.

– Ничего ты не виновата. Вы же собирались в загс. Идем, идем, там Яр.

– Не пойду.

– Он тебе хочет сказать что-то важное. Ну идем, а то я тебя силком выведу.

Яра Лида знала и не очень-то одобряла – на ее взгляд был слишком хорош собой; это муж не для себя, а для всех соседок. Илона чуть ли не клялась, что между ними – просто дружба, но получала в ответ недоверчивый взгляд: знаю я эту дружбу...

С немалым трудом Илона вывела Лиду в больничный коридор.

– Вот, – сказала она Яру. – Теперь ты говори. Я больше не могу.

– Лида, мы с моей сегодня ребенка потеряли. Понимаешь? Моей еще хуже, чем тебе – она по глупости это... думала, то есть, что раз мы предохранялись... А теперь вот ревет!

– Ты женат разве? – тусклым голосом спросила Лида.

– Мы хотели пожениться. Теперь точно поженимся. Я ее, дуру мою, уже бросить не могу, – серьезно ответил Яр. – Главное – чтобы она во второй раз хорошо выносила. Знаешь, как мне сейчас тошно? Тоже ведь дурак – не догадался... С работы ее заберу. Я сюда почему пришел? Сказать тебе по-мужски – не делай этой глупости. А то будешь на старости лет, как моя астраханская тетка. Все есть, дом, пенсия, а любить некого. Тебя и с ребенком замуж возьмут. Вот увидишь. А на этого своего – плюнь и разотри. Он твоей одной слезинки не стоит. Встречу – дам в торец. А рука у меня тяжелая.

Меньше всего тонкий легкий Яр был похож на мужика с тяжелой рукой. Но Илона ему поверила.

Похоже, поверила и Лида. Она смотрела на Яра очень внимательно, и глаза просили: ну, скажи еще что-нибудь правильное, настолько правильное, чтобы твои слова справились с моим страхом.

– Ты ведь его не любила, – вдруг произнес Яр. – Ты просто испугалась – двадцать пять, а ты не замужем. Ведь так? А любви-то подождать надо было – еще годик, еще полтора. Где-то же ходит твой мужчина, он просто обязан был прийти.

– Я дура, – ответила Лида. – Дура я, понимаешь, Ярчик? Я ведь верила в это самое «умри, но не дай поцелуя без любви». Я просто знала, что иначе нельзя. У меня мама такая – у нее жених на фронте погиб, так она не верила, семь лет ждала. Она – однолюбка... и я, наверно, однолюбка...

– Вот. Вот правильное слово, – согласился Яр. – Так она вышла замуж, чтобы у нее хоть ты была, чтобы тебя любить. А ты еще даже не знаешь, какая такая любовь бывает. Ты ведь до своего, как там его, даже ни с кем ни разу не целовалась – так?

– Так...

– Значит, это у тебя впереди. И такое бывает – сперва ребенок, потом любовь, а не наоборот. Сейчас ты будешь любить ребенка, поняла, однолюбка? Ребенка будешь любить, и пока ему годика два не стукнет – никого и ничего тебе больше не надо. Собирайся, я тебя домой отвезу. Давай, собирайся. После войны знаешь сколько без мужей рожали? И ничего – все детей вырастили, а многие замуж вышли – и по уму, не за красавчиков, а за правильных мужиков. Илонка, беги вниз, там за углом – остановка такси, хватай и подгоняй к воротам.

Как-то очень убедительно Яр отправил Лиду собирать вещи, вывел ее из больницы и повез домой. По дороге подбросили Илону до дома.

А дома сидели за столом в зале родители, допоздна ждали блудную дочь.

– Явилась! – сказала мать. – Нагулялась!

– Завтра утром мы вместе пойдем к гинекологу, – ответила Илона. – И пусть вам будет стыдно.

Мысль о том, что дочь не обязана верить матери, и раньше посещала ее. А теперь, глядя на мать, она поняла: недоверие у них взаимное, и уже не понять, кто первый начал.

– Да, мы пойдем к гинекологу, – согласилась мать.

– И пойдем!

– Перестаньте вы, – оборвал их отец. – Пришла, жива-здоровая, это главное.
– Нет, я ее поведу! – мать завелась. – Она думает, не поведу? Поведу!

И пошла в прихожую, к телефону. По части врачей она полагалась лишь на блат и на известную валюту – конфетные коробки. Добраться до гинеколога было несложно – всего два звонка.

Илона отродясь не бывала в гинекологическом кабинете. Ей было стыдно даже подумать об этой процедуре. Но нужно было один раз поставить мать на место.

– Вот и поведи! – крикнула Илона.

– И поведу!

Гинекологиня оказалась огромной краснощекой теткой, с улыбкой во весь рот. Илона страшно боялась, что эта тетка начнет ковыряться в ней огромными ручищами, но такой беды не случилось. Врачиха оказалась опытная.

– Нетронутая целочка, – сказала она матери. – Но что пришла – это хорошо. Нужно хотя бы раз в год на осмотр ходить. Одевайтесь, девушка.

Илона молча слезла с кресла, молча натянула трусики и теплые штанишки. На мать она даже не смотрела.

– Вы, женщина, выйдите, а вы, девушка, останьтесь на секундочку, – велела врачиха. Мать покорно вышла.

Тогда врачиха указала Илоне на стул.

– Садись и слушай. Чтобы забеременеть, не обязательно, чтобы он там, внутри, побывал. Хватит и того, если между ляжек поелозит и спустит. Поняла? Не было такого?

Илона помотала головой.

– Вообще ничего не было.

– Ясно. А то потом будешь паниковать – аист принес, аист принес! Вот, держи.

Она дала Илоне брошюрку и выпроводила ее из кабинета.

То, что сказала врачиха, было для Илоны большим сюрпризом. Она подумала – может, и у Лиды именно такая беда? Правильная Лида, наверно, хотела соблюсти себя до свадебной ночи и думала, что это самое «поелозит» – просто мужское баловство, совершенно безопасное.

Пройдя мимо матери, как мимо каменной стенки, пройдя мимо ряда стульев вдоль стены, на которых сидели женщины с медицинскими бумажками в руках, Илона вышла из клиники. Мать нагнала ее на улице.

– Ты не думай, что если в этот раз обошлось...

Илона ускорила шаг, потом перебежала на другую сторону улицы. Конечно, с матерью придется мириться, но сперва мать должна осознать, что натворила. И признаться в этом! Не так у нее много дочерей, чтобы портить отношения! В конце концов, можно и из дому уйти, ничего страшного – уходят же другие, и живут, и счастливы!

Но почему, почему эта треклятая девственность так много для нее значит? Почему это соблюдение доисторического правила для нее больше, чем любовь к единственному ребенку? Илона не могла понять – да и мать бы, похоже, не могла объяснить. От нее самой именно этого всегда требовали, и от бабки, и от прабабки, а любовь к ребенку должна проявляться в разумной строгости, так ее саму растили, и бабку, и прабабку...

И никогда такого не бывало, чтобы мать у дочери просила прощения. Полагается наоборот, так была убеждена мать, полагается, чтобы Илона сама извинилась за то, что по ее милости вышла такая нервотрепка.

Илона, уходя все дальше от матери, понимала все отчетливее: мать потребует от нее извинений. Ну и не дождетя.

Видимо, дочкина злость долетела до матери незримым, бесплотным и резким ударом как будто растопыренной ладонью в лоб, но без соприкосновения. Мать остановилась и прижала ко лбу ладонь – как будто это могло удержать поплывшую голову. Голова описала дугу,

на миг утвердилась в правильном положении, потом ее опять куда-то понесло. Мать сделала два шага и, неожиданное везение, нашла на что опереться. Это была изогнутая черная труба, что-то вроде барьера вокруг витрины булочной. Нужно было немного постоять и успокоиться. Раньше с матерью такого не случалось – ну так она и не могла бы припомнить, когда в последний раз так быстро ходила.

Это давление подскочило, сказала себе мать, это давление, гипертония в сорок три – рановато, но ничего не поделаешь, возраст берет свое. Постоять, подышать, а потом тихонько брести на работу. С работы мать отпросилась на два часа – и должна была прийти в любом состоянии. Потому что работа... потому что работа...

Рядом оказался парнишка лет восемнадцати, с удивительно знакомым лицом. Светлые волосы – чубчиком на лбу, несуразные очки в темной оправе, словно снятые с деда. И лопухий...

– Что, плохо? – спросил он участливо.

– Давление, – ответила мать. – Ничего страшного.

Он посмотрел в глаза – и мать его наконец узнала.

Очень много лет назад ей страшно нравилось это лицо. Но даже о поцелуях речи быть не могло – какие поцелуи у школьницы? Она увидела девушку в коричневом платье чуть за колено, в черном фартуке с крылышками, с черными же бантами, удерживавшими косы, туго заплетенные и подвязанные «корзиночкой». Коричневые чулки «в резинку», черные туфли, белого – всего лишь узенький воротник-стойка. Девушка стояла в темной раме старого, не то что довоенного, а дореволюционного трюмо – но какое трюмо посреди улицы?

Девушка была идеальной школьницей – потому что стыдно ходить в тонких чулках, стыдно остричь косы. На фартуке слева сверкнула красная искорка – комсомольский значок. Девушка была хорошей комсомолкой, надел лыжные шаровары и старый отцовский свитер, она ходила на субботники и на ежегодный сбор металлолома. Девушка знала все песни – «Тачанку», «Комсомольцы-добровольцы», «Синий платочек», у нее была толстая тетрадь для песен, и эта тетрадь до сих пор лежит... где она лежит?.. В чемодане...

Парнишка покачал головой.

– Давай я тебе «скорую» вызову, – сказал он.

– Не надо, Петя...

– Ты сейчас умрешь, Шурочка.

Мать поняла, что бредит.

– Нет, нет, так нельзя, – сказала она самой себе. Нужно было вернуть окружающий мир и выкинуть из него того давнего, уже совершенно забытого Петю.

– Но ты еще успеешь отдать мне... – начал он.

Тут окружающий мир вмешался грубо и бесстыже.

– Женщина, да вы пьяны, что ли? Отойдите от витрины!

Тетенька зрелых лет, в белом халате и белой крахмальной наколке с кружавчиками, трясла мать за плечо.

– Сердце... прихватило... – кое-как соврала мать.

– Наташка, Наташка! Вызывай «скорую»! – закричала тетенька. – То-то я смотрю – стоите, держитесь... Наташка, дверь придержи!

Тетенька помогла матери войти в булочную.

– Мне бы сесть... – сказала мать.

Сердце билось как-то странно, неровно. Как будто маленький кулачок пытался, сжимаясь, раздавить зажатый в нем то ли орех, то ли камушек. Это было очень неприятно, однако исчез Петя – и хоть это немного утешало. Надо же, Петька, первая любовь, и вдруг примерещился.

– Можно от вас позвонить? – спросила мать. Какая любовь, когда ее ждут на работе?

Ей вынесли табуретку, усадили ее возле трехъярусной стеклянной витрины с плюшками, но в служебные помещения не пустили. Порядок есть порядок.

Булочная жила своей жизнью – было то самое время, когда приходят пенсионеры с авоськами: у старичков они какие-то бурые, у старушек разноцветные. И надо же, где угнездилась зависть: на бабушку, что пришла с красивым импортным пакетом (на пакете – картинка с джинсовой девушкой), все посмотрели вроде бы неодобрительно, потому что старушка должна ходить с авоськой, и в то же время с жадностью, с желанием пощеголять этаким пакетом.

Мать вспоминала свой бред и Петькино предупреждение. В потусторонние явления она не верила, но когда говорят «Ты сейчас умрешь», это заставляет задуматься. Самое разумное объяснение было: Петька помер и пришел предупредить.

И сердце, и голова успокоились. Уже можно было встать, поблагодарить продавщиц и выйти на улицу. Там удалось поймать такси. До работы было недалеко – всего на восемьдесят копеек. Главное – доехать, взойти на второй этаж и сесть за свой стол. Потом, когда все увидят, что ты за столом, можно делать вид, будто разбираешь картотеку. Ходить на работу мать любила, ей там было уютно. Уютнее, чем дома, где постоянно приключались неприятности: то муж потеряет теплый шарф, то соседи сверху протекнут, то вот дочь ночевать не явилась...

– Ты сейчас умрешь, Шуручка, – сказал Петька. И соврал. А ведь когда-то вся школа знала: этот – не врет. Вообще никогда. Из принципа. И то, что он комсорг школы, очень правильно. Все девчонки были в него влюблены. Вот интересно, на ком он женился?

И было-то по нынешним беспутным меркам всего-ничего: несколько раз гуляли вечером в парке, вдвоем гуляли, никто про это не знал, однажды Петька взял ее за руку, так она потом полночи не спала. Но это было перед самыми выпускными экзаменами, а потом судьба разнесла их в разные стороны – «дан приказ – ему на запад, ей в другую сторону...»

Два года она не могла его забыть, пыталась узнать – в какой московский институт поступил. Наверно, плохо старалась – так и не узнала.

Надо же – «ты сейчас умрешь...»

Если явился предупредить – так, может, любил?

Илона очень удивилась бы, узнав про материнское приключение. Мать и отец в ее понимании были вне любви и вне секса. Она не могла бы вспомнить – эти двое при ней хоть раз обнимались?

Любовь к Буревому была, скорее всего, диким и неуклюжим протестом против отсутствия любви в собственном доме. Негде было научиться любить так, чтобы это чувство как-то сочеталось с действительностью, и душа нашла вариант прекрасный, несуразный и меняющий метаболизм: как если бы человек, с детства дышавший обычным воздухом, вдруг научился дышать каким-нибудь водородом и нашел в этом блаженство.

На работу было еще рано, и Илона просто пошла по городу, забредая в магазины и прицениваясь к товарам. Как и полагается, чуть ли не накануне новогодья выбросили летние платья; зимние пальто висели такие, что в них только на базаре картошку продавать. Илона не любила свое зимнее пальто с воротником из каракуля. Почему-то мать не могла спокойно смотреть на этот каракуль – он ей казался королевской роскошью. А Илоне хотелось шубку из искусственного меха. И она пошла в конце концов в редакцию, чтобы узнать у Регины – сколько может стоить такая шубка. Они появлялись в городе прямоком из Америки – многие еврейские семьи получали благотворительные посылки от какого-то загадочного «Джойнта» и продавали содержимое. Синтетическая шубка была легкой и хорошо утробовывалась в коробку – а, может, какой-нибудь американский фабрикант сдуру выпустил их столько, что уже не знал, куда девать. Очень он бы удивился, узнав, что за грошовый клочок синтетики эти крейзи-рашн отдают две зарплаты.

– Насчет шубы я узнаю, – сказала Регина. – Фигурка у тебя стандартная. Но все деньги – сразу, а не растягивать на полгода.

– Можно, конечно, взять в кассе взаимопомощи, – и Варвара Павловна объяснила принцип действия этой кассы. – Но ты же год будешь рассчитывать. Походи по комиссионкам. Бывает, что там почти новые шубки – какая-нибудь дура сезон поносит и сдает. А теперь – в типографию, за гранками.

– А Рома? – удивилась Илона. Гранки обычно приносил выпускающий.

– Его еще нет, видишь – на столе пусто. Ну, пошла! Стой. Лидка придет – ты ее не трогай. Я тебя знаю – как начнешь сочувствовать, так не остановишься.

– Варвара Павловна, мы ее вчера из больницы увезли. Она не будет делать аборт.

– Черт его знает, умно это или глупо... Мы-то аборт не делали – сама понимаешь, какой в госпитале аборт...

Это она про войну, догадалась Илона.

О фронтовой молодости Варвара Павловна рассказывала редко – и все больше смешное. Ася как-то узнала, что корректорская начальница была боевой подругой какого-то полковника, лет на двадцать себя постарше, так что этот полковник после 9 мая 1945 года не к жене с детками поехал, а остался с Варварой Павловной. Ему она и родила двоих сыновей, а потом он умер – дали себя знать старые раны. Ну и возраст – шестидесятилетний мужчина казался молодым корректоршам дряхлым старцем.

Вошла Лида.

Она была одета очень аккуратно, шиш на макушке – неестественно гладок, юбка – отутюжена.

– Здравствуйте, Варвара Павловна, – сказала Лида. – Здравствуй, Регина.

Посмотрела на Илону и добавила, явно с тайным смыслом:

– Привет, Илона.

После чего в большой корректорской случилось двухминутное молчание. Языкастая Регина воздержалась от вариаций на тему «плодить нищету». Варвара Павловна, очевидно, хотела поговорить с Лидой наедине. А Илоне вдруг стало сильно не по себе. Вытащив Лиду из больницы, она вмешалась в Лидину судьбу, она приложила руку к рождению ребенка, который пока еще никому не нужен. Варвара Павловна правильно сказала: «Черт его знает, умно это ли глупо».

Ворвался Рома:

– Здрасьте-извините-опоздал!

– Балбес ты, – сказала Варвара Павловна. – Марш за гранками!

Рома постоял в дверях, обводя взглядом всю смену: Варвару Павловну за столом, монументальную и неуязвимую, Регину в модном джемперке с люрексом, Лиду – еще не снявшую дешевое пальто с коричневым фальшивым мехом, Илону...

Во взгляде был вопрос: ну, что тут у вас? И вопрос адресовался лично Илоне.

Рома ей нравился – он напоминал одноклассника Сережу: такой же маленький, тощенький, постоянно готовый всем услужить; он даже домашние задания делал, кажется, лишь для того, чтобы всему классу было, у кого списывать. И он был забавный – шустрый и суетливый, над ним можно было подшучивать, с ним можно было договариваться насчет походов за булочками с корицей, посидеть с ним в типографском буфете Илона никогда не отказывалась – он бегал за кофе и откуда-то добывал соленые орешки.

– Я в закуток, – с тем Илона вышла из большой корректорской одновременно с Ромой.

– Как Лидка? – сразу спросил он.

– Вроде хочет оставить ребенка.

– Так ей нужно заявление писать, – сразу сообразил Рома. – На матпомощь, на комнату в общежитии. Ты же знаешь, в каких условиях она живет.

– А ты откуда знаешь?

– На прошлом съезде мы дежурили до четырех утра, потом нас развозили на машине. Я этот дом видел – там, наверно, крысы водятся.

– Так она же там прописана. Если бы не было городской прописки – можно было бы просить комнату в общежитии, или нет?

– Я узнаю! – пообещал Рома. – В общежитии все-таки вода горячая, душевые, внизу прачечная. И это ближе, чем Лидкина Савеловка.

Имелась в виду общежития при высшей комсомольской школе. Там иногда давали комнаты молодым журналистам из глубинки. Для этого требовалось вмешательство редактора Бекасова, парторганизации и горкома комсомола. У Лиды была безупречная комсомольская репутация, ее знали в горкоме – должны были помочь...

– Надо поговорить с Варварой, – решила Илона.

– Так поговори!

Рома по-приятельски хлопнул Илону по плечу и унесся в типографию.

Редакция жила – где-то хохотали во всю глотку, где-то трещала пишущая машинка, По коридору пробежал фотокор Юра со своей необъятной сумкой, его попытался задержать Витя из отдела информации и услышал:

– Не могу, в номер, в номер!

Это были волшебные слова. Юра примчался с пленкой, которую еще нужно было проявлять, печатать снимки, сушить их, сдавать в цех на клише, убедиться, что клише сделаны правильно, а не в зеркальном отражении. Тот, кто работал в номер, был лицом неприкосновенным, потому что завтрашняя газета – превыше всего.

Из кабинета вышел Бекасов – высокий, сутулый, вечно озабоченный, с сегодняшним номером в руке. Он прошел в корректорскую, и это Илоне сильно не понравилось – значит, проскочила ошибка.

На сей раз ошибка была не самая страшная – Жанна при ревизионной читке проворонила бяку на переносе, и вместо «трудящиеся» получилось «трущиеся». На выговор такая оплошность еще не тянула, потому что – в проходном материале о соцсоревновании. Вот если бы в докладе Брежнева – тогда ох...

Варвара Павловна поговорила с Лидой наедине, и Регина тихонько сказала Илоне:

– Ты к ней теперь не суйся. Она переваривает.

И так было ясно, что переваривает. И потому Илона, не приставая к подруге со всякими благоглупостями, вечером помчалась на репетицию.

– Ты где пропадаешь? – напустился на нее Буревой. – Мы в прошлый раз сцену с крысой прогоняли. Такая сцена – а ты где-то шастаешь!

Объяснять Буревому, что произошло, Илона не могла – это же все равно, как если бы объяснять птице методику плавания, как объяснять рыбе правила вертикального взлета. Мир Илоны был четко поделен на две половины – приземленную и возвышенную. Буревой бы просто не понял, как можно пренебречь репетицией ради поездки в Савеловку.

– Вот, – Буревой дал ей листок. – Чтобы к следующей репетиции от зубов отлетало.

Илона прочитала вполголоса:

– «Я лесная елочка, зеленая иголочка...»

Первая мысль была – что еще за маразм? Потом она сообразила – обязательство! «Аншлаг» должен участвовать в заводских «елках» и, кстати, в большом новогоднем отчетном концерте. Там все кружки и студии показывали свои достижения, и особенно страшными они были у вокалистов: в их кружке собрались любители оперного жанра и исполняли исключительно классику, в меру своих скромных возможностей. Оркестр народных инструментов с балалайками, дуделками и ложками – и тот лучше звучал.

Для концерта Буревой готовил Веронику, Володю, Бориску. Он выбрал подходящий кусочек из пьесы Алешина «Дипломат», в котором все имелось – и конфликт, и юмор, и правиль-

ное понимание политики. А тех, кто пока талантами не блистал, – на «елки», пусть детишек веселят.

– Что? – спросил Буревой. Его лицо сделалось хищным – с таким лицом хорошо д'Артаньяна играть. Вот бы ему когда-нибудь...

– Выучу.

– На сцену! Вероника позвонила, что не придет, будем с тобой гонять эпизод «Подвал». Дима, Гоша – на сцену!

Это был праздник невысказанный!

Праздник затянулся допоздна. А ведь еще предстоял домашний скандал.

Идя через двор, Илона посмотрела вверх и увидела свет в тети-Таниных окнах. Набравшись мужества, она позвонила в соседкину дверь.

– Теть-Тань, мы с мамой поругались... – начала было она.

– Тут твоя мама, – перебила соседка. И точно – мать сидела в кресле, совсем несчастная. Пахло валерьянкой.

Галочка показала Илоне рукой – идем на кухню!

– Она с дядей Валерой поругалась, – прошептала Галочка. – Он хлопнул дверью и ушел. Чтобы мать поругалась с отцом – это было так же невероятно, как прибытие марсиан.

– И что, его дома нет? – спросила потрясенная Илона.

– Нет... Тетя Шура даже не представляет, куда он мог пойти.

– Но... но из-за чего?..

Родители могли повздорить разве что из-за денег. И то – не до такой степени, чтобы дверью хлопать. Так – в меру, почти не повышая голоса.

– По-моему, они из-за тебя поругались...

– Из-за меня?..

– Я была в спальне, слышала через стенку. Он кричал «нельзя так над ребенком издеваться!»

– А она?

– Я не разобрала. Илонка, что случилось?

– Ничего не случилось, то есть...

Илоне страшно хотелось назвать мать душой. Но какой-то внутренний жандарм (Варвара Павловна его называла внутренним цензором) не позволял.

Значит, отец узнал про гинеколога и вступился за дочку. Вот это новость! Раньше он в отношении между матерью и дочерью не вмешивался, воспитание девочки – женская забота. Да и вообще он всегда был тихим. Был?

Если отец кричал на мать – значит, что-то непоправимо нарушилось.

Илона вошла в залу и встала перед матерью.

– Идем домой, – сказала она. – Тете Тане спать пора. Идем.

Мать встала.

– Тань, извини, – пробормотала она. – Мы пойдем...

– А то – тут оставайтесь ночевать, – предложила тетя Таня. – Мы как раз тахту для Галочки с Толиком купили. Так мы с Галкой – на моей, а вы – на новой.

– Нет, спасибо. Мама! – прикрикнула Илона. – Поздно уже.

– Вот, возьми, – тетя Таня дала Илоне упаковку валидола. – Мало ли что. Если Валера придет – ничего ему не говори, ничего не спрашивай, пусть сами разберутся.

Потом Илона и мать еще полчаса сидели перед телевизором, пока дикторша не пожелала спокойной ночи. Что смотрели – Илона не поняла; шевелилось что-то на экране, отвлекало глаза и слух.

Мать не желала ничего рассказывать, и ей даже в голову не приходило попросить прощения. Так, молча, они и разошлись по постелям. Только утром, когда она завтракала, а заспанная Илона вышла в туалет, было сказано:

– Все из-за тебя!

Илона не ответила. Если матери от этого легче – пусть так думает.

Отец не приходил и не приходил. Появился он через неделю, утром, когда матери уже не было дома, а Илона – еще была.

– Прости меня, – сказал отец, – но я больше не могу. Мне койку дали в общежитии, пока там поживу. Койка была свободная...

– Папа... – ответила Илона. – А я как же?..

– Ты уже взрослая. Только ради тебя все это держалось. А теперь... Прости. Я должен был... Ну, не умею я женщинам укорот давать, не умею... А ты уже взрослая, сама работаешь... И я тебя... В общем, не брошу. Буду тебе на работу звонить, встречаться будем...

Отец смотрел в пол. Большой старый чемодан лежал перед ним, а в чемодане – старые рубашки, старое мужское исподнее, очень аккуратно сложенные брюки... Отцовского добра в доме было очень мало.

Отцу было плохо.

– Папка, ты это... не навсегда, ладно?..

– Как получится, доча.

И вдруг Илона поняла – вот такие, тихие, потрепанные и пожеванные жизнью, не мечтающие о вершинах, скромные винтики больших машин, могут вдруг принять решение – и больше от него не отступиться.

– Я буду к тебе приходить. Буду с проходной звонить, чтобы ты пропуск заказал.

Отец работал в бухгалтерии большого ткацкого комбината. Сколько Илона себя помнила, он там работал. Бухгалтерши Илону должны были вспомнить – он ее, маленькую, иногда брал с собой на работу, когда мать болела.

– Ты прости меня, хорошо?

– Папка, ну что ты...

Она и понимала, что отца нужно удержать, и чувствовала – незачем, незачем, ему в общежитии будет лучше, чем дома.

– Хочешь, я сбегаю, такси поймаю? – предложила она, не зная, как еще показать свою привязанность к отцу, не на шею же бросаться, в самом деле.

– Я трамваем прекрасно доеду. Ну, ты тут без меня не очень хулигань, и вот что еще – найди ты себе хорошего парня и поскорее выходи замуж.

– Я постараюсь.

– Или уже нашла?

Он пытался понять, точно ли дочка ночевала у подруги, или это обычное девичье вранье.

– Пап, у меня еще нет парня, честно. Я была у Лиды. У нее беда – жених бросил, а она беременная. Я ее не хотела одну оставлять.

– Ну и правильно сделала.

– Ты-то хоть мне веришь?! – вдруг закричала Илона.

– А почему я должен не верить тебе? – удивился отец. – Ну, я пойду, что ли... Я всего на час вырвался, вещи забрать.

– Вы все-таки помиритесь, ладно?

– Как получится.

Но Илона понимала – это печальное «как получится», скорее всего, означает «никогда».

Оставалось придумать, что соврать матери. Объяснять ей, как вышло, что дочь отпустила отца без скандала, Илона не хотела. Придумала – утром позвонили, позвали в редакцию, а там... Ну, до вечера можно изобрести причину, по которой дневного корректора с утра

вызывают в редакцию. И, убежав спозаранку, Илона не встретила с отцом, который пришел за своими вещами. Вот так. Вранье – единственный способ соблудности в доме тишину.

Несколько дней мать ходила пришибленная. Быть брошенной женой – приятного мало. Она цеплялась к Илоне, но Илона отмалчивалась.

Она только пыталась понять, что в материнской скорби от оскорбленной любви, а что – от оскорбленного самолюбия. Ведь не по расчету же мать шла замуж за отца! Было же между ними что-то – тяга, симпатия, доверие? В поисках ответа Илона взяла старые фотоальбомы, исследовала картинки, где мать и отец вместе. Обнаружила странную вещь – на снимках, где она маленькая с отцом, отец смеется. На снимках, где она маленькая с матерью, мать сдержанно улыбается.

Наконец мать пропала.

Обычно она приходила с работы примерно в одно время – в половине седьмого. Когда в девять Илона заскочила домой, чтобы взять нужную для роли вязаную шаль, матери еще не было. Тетя Таня только руками развела: нет, не появлялась.

Подруг у матери было три – и все три какие-то ритуальные подруги. Хождение в гости случалось по календарным праздникам и по случаю дней рождения. Дружба сводилась, в сущности, к долгим телефонным разговорам. Илона позвонила им и узнала, что мать у них не появлялась – ни в человеческом образе, ни в телефонной трубке. Все три не задали ни единого вопроса об отце, из чего Илона поняла: мать скрыла от подруг отцовское бегство.

Она уже собралась убежать, когда позвонил Яр.

– Как обстановка? – спросил он.

– Варвара взяла над ней шефство. Они теперь вместе ходят в домовую кухню.

– В домовую кухню?..

– Ну да, ей же нужно правильно питаться, а не сидеть на булочках с корицей.

– Хорошая бабулька эта ваша Варвара. Передай Лиде – я вас обеих в субботу в кино приглашаю.

– Здорово! А твоя тоже будет?

– Нет, крошка, моя не будет. Моя поехала к своей матушке – плакать и жаловаться на меня, скотину неблагодарную. Знаешь, крошка, мне очень плохо...

– Тебе?

Яр, красавчик и замечательный собеседник, меньше всего был похож на человека, которому хоть раз в десять лет бывает плохо.

– Да, мне. Ну так заметано?

– Заметано!

Илона понеслась на репетицию. Но репетиция с самого начала пошла наперекосяк. Буревой был невнимателен, потом непонятно за что изругал звукооператора, Вурдалака Фредди. И сбежал, не попрощавшись. Студийцы думали – выскочил в туалет, ждали четверть часа – он не вернулся.

– Со своей Элечкой поссорился, – сказала Вероника.

Илона чуть за сердце не схватилась – толстая Вероника знала то, чего она которую неделю не могла выяснить!

Реальность, как всегда, грязными сапожищами вторглась в воображаемый мир. Ну, не полностью воображаемый – репетиции все же были реальны. Но то, во что они превращались у Илоны в голове, уже смахивало на фантастику. Мир, ограниченный четырьмя стенами зала, словно бы отталкивал то, что не имело отношения к пьесе «Большеротая» и к агитбригадным речевкам. В зале Илона сражалась за любовь Буревоего и часто побеждала – он обнимал за плечи, он мог схватить за руку, объясняя мизансцену. Эти события она переживала по десять раз. Но где-то жила Элечка, у которой были с Буревым совсем другие события. Может, в том доме, где он тогда остался на ночь.

Илона поняла, что новой сумки к Новому году, кажется, не будет – нужно ловить такси и мчаться, выслеживать, узнавать правду!

Или она опоздала, или Буревой понесся в какое-то иное место.

Был еще один способ приблизиться к правде.

Поскольку Буревую пригласили в городской театр откуда-то издалека, он своей жилплощади не имел, а был пристроен в общежитие строительного техникума, выбранное за близость к театру. Там ему выделили комнатку на втором этаже. Будущие строители, ребята крепкие и симпатичные, без личной жизни не обходились, и девчонки к ним туда бегали в любое время суток. Из трех вахтерш две были прикормленные, а одна принципиальная. Прикормленные старались не обращать внимания, когда со двора, через подвальный этаж, в общагу проникали веселые подружки.

Илона знала этот путь, потому что к будущему кровельщику Лешке бегала бывшая одноклассница Люська, та еще шалава. Лешка был выбран за особое качество – он хотел на Люське жениться.

Буревую в комнатке не случилось. Он где-то пропал – может, у Элочки, может, у другой разлучницы. Оставалось только ехать домой.

Мать сидела в зале и ждала.

– Ну что, теперь ты довольна? – спросила она. – Ты довольна, да? Ты этого хотела?

– Чего я хотела?

– Чтобы он ушел!

– Я хотела, чтобы вы помирились!

Мать покачала головой.

– Я все знаю! Ты была дома, когда он за вещами приходил!

– Ну и что?!

– Ты что, чертова кукла, не могла у него чемодан отобрать?!

– Не могла!

– Не могла ему сказать: идиот, ты что, совсем...

– Если ты еще раз назовешь отца идиотом, я уйду, – сказала Илона.

– А кто же он, по-твоему?!

Буревой много чему научил. Однажды он сказал: обещаю только то, что можешь сделать сразу, немедленно, если ты на сцене говоришь «Я тебя убью!», зритель должен верить, что прямо вот сейчас возьмешь и убьешь. Если говоришь, что прыгнешь с крепостной стены, зритель должен вздрогнуть: эта дура сейчас прыгнет! Речь шла об эпизоде, где Мэгги угрожает самоубийством, чтобы спасти Вилли. И Буревой пытался откопать в памяти у Вероники и у Илоны хоть что-то похожее.

Вот его наука и пригодилась.

Илона повернулась, вышла из зала, потом – на лестничную клетку. Ее трясло. Она понимала, что с матерями так не поступают, но ведь и с мужьями жены так не поступают! Все в семье получилось неправильно.

Тетя Таня еще не спала. Они с Галочкой ждали звонка от Толика. Там, невесть где, решалась его судьба: скоро ли отпустят к жене, и не придется ли застрячь еще на полгода.

– Можно у вас переночевать? – спросила Илона.

Тетя Таня и Галочка переглянулись.

– Что, совсем плохо? – спросила тетя Таня. Илона кивнула.

– Знала я, что она допросится. Он тихий, тихий, а не дай бог – вожа под хвост... Галь, давай-ка раскладывай кресло.

– Как это можно было знать? – удивилась Илона. – Мы же так хорошо жили.

– Хорошо – пока жареный петух не клюнул, тут все и вылезло. Ты на нее не обижайся, она просто не умеет ладить с людьми, – сказала тетя Таня.

– Как – не умеет? Вот с вами же ладит, вот и на работе...

– Это, Илонка, вроде как верхний слой, он у всех гладенький. А поговорить по душам – не умеет. И сама рассказать, что на душе, не умеет, поэтому и злится. Ладно, бог с ней, я между вами встревать не собираюсь, вы и без меня разберетесь.

Когда Илона уже лежала под одеялом, в дверь позвонила мать.

– Моя у вас?

– У нас, спит уже, – сказала, выйдя к двери, заспанная тетя Таня. – Ты не бойся, я ее завтраком покормлю. Ты... ты ничего рассказать не хочешь?..

– Нет.

Матери было стыдно вспоминать, как она ждала у комбинатской проходной, прячась за телефонной будкой. И разговор с мужем был стыдный. Слово «прости» мать просто не могла выговорить – хотя понимала, что нужно. Она не видела в беде своей вины. «Прости» несколько раз сказал он. И ее попытки объяснить, что она всегда была хорошей матерью для Илоны, разбились об это «прости», как елочный шарик о паркет.

Как теперь жить с дочерью, мать не знала. Все в доме непоправимо нарушилось. Поэтому она оставила Илону у тети Тани, а сама вернулась домой и легла.

Может быть, об этом предупреждал Петя? О том, что семья развалится? Смерть – это ведь не только гроб и могила. Умирала какая-то часть души.

А в сердце перекачивался твердый орешек. Как будто в стеклянной банке.

Утром дочь пришла. Молча умылась, переоделась, устроила маленькую постирушку. Мать молчала. Она не знала, как теперь говорить с Илоной. Умерло время, когда она могла отвести дочь к гинекологу. Умерло, как раздавленный таракан. Теперь Илона уже не придает значения материнским угрозам. Теперь у нее, у Илоны, есть отец, который на ее стороне, а мать – одна.

Дочь позавтракала и ушла. Куда – не сказала. Мать выбралась из постели, надела халат, вышла на кухню и поняла, что все еще хуже, чем казалось. Дочь вымыла за собой посуду и протерла столик. Так ведут себя в чужом доме после случайного ночлега. Раньше она оставляла чашки и тарелки в раковине, и это было поводом для привычной вялой домашней склоки. Теперь же мать видела – поводов больше не будет.

От семейной жизни отвалился еще один кусочек.

Но часы подсказали – есть место, где можно спрятаться, отдышаться, ощутить себя прежней! На завтрак, чай с бутербродами, десять минут. На сборы – четверть часа, за это время можно взять в шкафу платье, надеть белье и чулки, причесаться и накрасить губы. Из всех способов сделать лицо привлекательным мать признавала только помаду – как в свое время ее мать, как до того – мать матери... Впрочем, тогда, кажется, были еще румяна...

Чем ближе остановка «улица Калинина», тем спокойнее и радостнее на душе. Потому что серое пятиэтажное здание – оно только с виду серое, внутри оно светлое.

– Шурочка, привет!

– Здравствуй, Шурочка!

– Шурочка, зайди потом ко мне, я кое-что принесла!

– Доброе утро, Шурочка!

– Шурочка, солнышко!

– Шурочка, у меня такая новость! Я сейчас забегу, расскажу!

– Шурочка, вы очаровательны!

Мать отвечала, улыбалась и была счастлива.

У дверей кабинетки, в котором они сидели втроем, три милые дамы чуть за сорок, уже ждали мужчины с заявками и шоколадками. Начинался рабочий день со всеми его радостями, разговорами, анекдотами, новостями, сплетнями, распоряжениями начальства, теле-

фонными звонками. Мать была аккуратна, свои картотеки и папки с бумагами содержала в идеальном порядке и каждый раз, когда этот порядок оказывался востребованным, тихо ликовала.

Одно было плохо – быстротечность счастья. В шесть все эти очаровательные женщины и галантные мужчины стремительно разлетались и друг о дружке забывали до следующего утра. Но до шести память была заперта на замок и не подсовывала домашних неприятностей.

Илона с вечера продумала свой день. До ухода матери на работу она перекаптовалась на автовокзале. Там было тепло – и хоть весь день сиди с книжкой в зале ожидания. Потом она вернулась домой, чтобы вымыть голову и закрутить волосы.

Бигуди дома имелись. Иногда ими пользовалась мать. Длинные прямые волосы дочери вроде не было приспособлены к локонам. Но можно же раз в жизни подкрутить концы и посмотреть, что из этого получится? Кроме того, у Илоны возник грандиозный план – выстричь челку. Не самостоятельно, разумеется!

Она расчесывала волосы на прямой пробор, как все девочки, которые ходят в джинсах и битловках. Но к лицу ли ей эта мода? Не лучше ли закрыть лоб?

Может быть, лицо с челкой заставит Буревого задуматься?

Длинные волосы сохнут целую вечность, и Илона учила роль. Время от времени она усмехалась – если бы школьная учительница литературы знала, что самая бездарная ученица будет блистать на сцене! Читать-то Илона любила, она только не любила школьную программу со всеми этими образами лишних и прочих человек. Если бы эта дура слышала, как Илона теперь говорит! Подавилась бы она своим проклятым «с выражением»!

В редакции ждал сюрприз. Илону встретил в коридоре Яшка из отдела культуры.

– Привет! Мы тут задумали Новый год вместе встречать, присоединяйся!

– А где?

– А как раз ищем территорию. Ну так как?

Илона задумалась – есть ли шанс встретить Новый год в обществе Буревого? Он, не имея в городе родни, наверняка собирался праздновать в компании. Что, если эта компания – «Аншлаг»?

– Я тебе завтра скажу.

В корректорской Варвара Павловна и Лида уже разбирали влажные гранки, прицепляя их к оригиналам.

– Лид, Яр в субботу нас в кино приглашает, – сказала Илона.

На возражения (постирушка, уборка, поход на базар) вместо Илоны ответила Варвара Павловна:

– Успеешь еще настираться и набазариться!

Возражать было невозможно.

Яр спланировал субботу так – сперва четырехчасовой сеанс, потом, в шесть, – пирожковая, которая считалась в городе почти кафе. Там всегда было чисто, и выбор радовал, имелись даже пирожные, так что за два рубля на троих получался суший кутеж и праздник живота. Вот только беляши были подозрительные – ну так они всюду подозрительные. Илона оценила деликатность Яна – ему ведь был бы по карману и ресторан, но подружки бы там себя чувствовали неловко, а Лида вообще могла отказаться – не любила быть кому-либо обязанной.

Фильм «Стрелы Робин Гуда» был красивым, играли латышские актеры – а это почти что заграничные, вот только Илона невольно примеряла каждый эпизод на Андрея Буревого, и получалось, что он бы справится с ролью почище Бориса Хмельницкого. Эта умственная работа продолжалась и после сеанса, доставляя огромное удовольствие.

Яр, почти не вовлекая Илону в беседу, разговаривал с Лидой, даже пытался ее смешить. Но с чувством юмора у Лиды было сложновато – она смеялась над анекдотом, лишь убедившись, что другие слушатели тоже хохочут.

Однако Яр сумел вызвать у нее сочувствие.

– Я вдруг понял – есть ради кого жить, – говорил Яр. – Я ведь стрекозел, порхаю, порхаю, какая-то суета постоянно, деньги какие-то – туда, сюда... А мне ведь тридцатник. Вон у Вовки Петринского, корешка моего, уже двое, два сына, так все для них, все для них. А я – для кого?

– Да, – задумчиво отвечала Лида, размышляя о своем.

– Ты ведь понимаешь меня?

– Понимаю.

– Должна же быть родная душа, ради которой живешь. Которая без тебя пропадет. И это счастье – любить такую родную душу.

Илона вздохнула.

Впрочем, вздох мог относиться и к невкусному пирожному с белковым кремом, которое Яр взял ей, потому что она польстилась на внешний вид. А теперь пирожное, хочешь не хочешь, следовало доесть. Из вежливости.

– Главное, чтобы слишком поздно не понять... – продолжал Яр, склоняясь к Лиде.

– Что – не понять? – спросила она.

– Что на самом деле нужно одно-единственное живое существо, которому можешь отдать себя без остатка. Вот моя это потеряла – теперь ей все на свете виноваты. А что беременной женщине нужно себя беречь, не подменять подружек, не ездить в два рейса подряд, это до нее еще не доходит. Да и вообще – уходить оттуда надо было. Я что – не прокормил бы?

– Вы разве женаты? – удивилась Лида.

– Ну, не женаты, – признался Яр. – Но я уже думал об этом. А теперь она меня видеть не хочет. Дурочка...

– А хочешь, я с ней поговорю? – вдруг предложила Илона.

– Не надо, крошка. Она еще больше рассердится. Ничего, ничего, время – доктор, это всем известно.

Потом Яр взял такси, сперва завез домой Илону, потом сказал шоферу:

– В Савеловку!

Илона домой идти не хотела. Она знала, что там мать сидит перед телевизором. И, как уже привыкла, позвонила соседям. Там была вселенская радость – Толик обещал приехать в конце декабря.

– Совсем немного осталось! Илончик, я, как дембель, календарь нарисую и буду дни зачеркивать! – веселилась Галочка. – Вот я думаю – идти мне в понедельник на завод химволокна или подождать Толика, чтобы вместе на одно предприятие устроиться? Это же удобно – и детей в садик привозить и забирать, ездить вместе, и в отпуск – так в профкоме договориться, чтобы вместе!

– Детей?!

– Ну, будет же у нас когда-нибудь второй ребенок.

– И третий! – вмешалась тетя Таня. – У меня вот ты одна – что хорошего?

– Я хорошая, я!

– А я троих хотела.

Эту историю Илона знала – тетя Таня через год после того, как родила Галочку, опять была беременна, переходила улицу невнимательно, попала под машину, а потом – выкидыш и неудачное хирургическое вмешательство врача-идиота. Муж считал, что она сама в этом виновата, да она и не отпиралась – хорошо понимала свою вину. Но, несколько раз начав разговор об этой беде и отказавшись его продолжать из страха, что случится настоящая ссора, они стали понемногу отдаляться друг от друга.

Муж хотел сына, хотел отчаянно, она это отлично знала и сказала прямо: «Миленький, иди-ка ты к той, что родит сына, я не держу. Это наша единственная возможность остаться друзьями, понимаешь? Иначе очень скоро станем, как дед с бабкой, которые не то что друг другу, а сами себе надоели. Давай расстанемся, пока молодые. И ты свою судьбу встретишь, и я

обязательно встречу». Развод в то время был делом немыслимым, опять же – при крошечном ребенке. Чтобы никто не лез в душу, они просто разбежались, сохраняя пресловутый штамп в паспорте, а формально развелись, когда у Галочки уже были два сводных братика и отчим дядя Миша. С отчимом тетя Таня прожила двадцать лет душа в душу, подружилась с его родней. Сейчас дядя Миша жил в деревне с родителями, которые стали совсем плохи, но в город перебираться наотрез отказались.

Тетя Таня и Галочка принялись, смеясь, считать будущих малышей, дразнили друг дружку, ласкались друг к дружке. Сошлись на том, что первой будет девочка, маме помощница, потом – мальчик, папин сын, потом опять девочка – младшенькая, самая любимая, потому что девчонку избаловать не так опасно, как парня. Илона подумала: если бы ее матери цыганка нагадала троих внуков, мать, пожалуй, сама бы стала за руку водить дочку на аборты... Но нет, если выходить замуж – то переезжать к мужу, хотя свекровь может оказаться не ангелом, но внучат-то она любить будет? И мысль естественным путем перенеслась к Буревому.

– Ты чего чай не пьешь? – спросила тетя Таня. – Я печенье достала, курабье, ты ешь, ешь! И подвинула к Илоне корзиночку.

Эту корзинку из прутьев неведомого дерева Илона помнила с детства, и всегда в ней было что-то вкусненькое – конфетки дешевые, печенюшки, яблоки. Прибегавшие к Галочке одноклассницы и однокурсницы опустошали корзиночку, тетя Таня только смеялась – молодежи можно, авось не потолстеют!

А вот у Илоны в доме такой корзинки не водилось.

Домой Илона пришла довольно поздно, быстренько умылась на ночь и проскользнула в свой уголок. На сон грядущий думала про длинное платье – очень хотелось встретить Новый год в длинном платье, пусть хоть из дешевого ацетатного шелка. Наверняка же Регина знала, откуда такие платья берутся...

В «Аншлаге» к концу декабря было затишье – Буревой после отчетного концерта распустил студийцев до середины января, оставил только пару репетиций, чтобы не опозориться на двух заводских «елках».

– Так он же дедморозит, – объяснила Вероника Илоне. И тогда только Илона узнала, что для артистов новогодие – время заработков; Буревой с актрисой Женей Зайцевой набрали заказов и собирались ездить по детским садикам в образах деда Мороза и Снегурочки. Когда в день четыре таких поездки – вечером уже не до «Аншлага», тем более что репертуарных спектаклей никто не отменял.

Илона никак не могла вообразить Буревую в красном тулупе, валенках, и при белой бороде. Ей это казалось издевательством над любимым человеком.

Редакционная молодежь готовилась к Новому году, нашли и место – дачу Роминой тетки. Дача была на краю географии, добираться туда следовало электричкой и потом автобусом. Но зато хватило места для стола и для танцев.

Илона и Варвара Павловна общими усилиями уговорили Лиду принять участие в новогоднем застолье.

– Вот еще не хватало, чтобы ты сидела там у себя, в Савеловке, одна! – сказала Варвара Павловна. – Дай Боже здоровья товарищу Бекасову – на второе мы не выходим, на работу тебе первого января выходить не надо, успеешь отоспаться.

31 декабря был бурный день – на первое газета выходила, да еще номер – праздничный, со всякими затеями. Молодежь из дежурной бригады едва не опоздала на электричку, а вот автобус где-то загулял, и пришлось с полными сумками тащиться три километра до дачи.

Рома был там с утра. Он вышел к автобусной остановке, в нужное время не обнаружил там автобуса и, взяв с собой Яшку, пошел встречать гостей по заснеженной обочине шоссе.

– Замерзла? – спросил он Илону, пытаясь забрать у нее сумку.

– Ты лучше Лидке помоги... Не видишь – скользит!

Лида, обычно одетая довольно строго, в августе, еще до разрыва с Борисом Петровичем, купила через посредство Регины очень красивые зимние сапоги, разумеется, импортные, и то ли не догадалась сразу отнести их в мастерскую, чтобы сапожник поставил на подошвы и на каблук «профилактику», то ли не захотела портить эти два произведения искусства. В результате Рома чуть ли не на себе дотащил ее до дачи.

Было все, как полагается: гадания на воске и на жженой бумаге, загадывание желаний в полночь, лотерея, шампанское, танцы под магнитофон, эмалированный таз с салатом «оливье», нарезанные сыр и колбаса на тарелочках, горячее – котлеты из домашней кухни, оттуда же картофельное пюре, какие котлеты без пюре, непонятно где добытый огромный торт, и все бы ничего, но Ромка, хлебнувший не только шампанского, все время приставал – то чокаться предлагал, то танцевать звал, и это было обременительно.

Лиду уложили спать в бабкиной комнатке на перине, из которой торчал только ее нос. Все прочие колобродили до пяти утра, потом те, кто собирался уехать первым автобусом, убедились, что первого автобуса не будет, и вернулись.

Илона сидела на кухне – там было тепло. Красивые туфли она сняла и обула сапоги – все равно под длинным подолом не видно. На плечи она накинула ненавистное пальто с каркулем. Откуда-то выбрался ошалевший Рома.

– Давай хоть чаю поьем, – жалобно предложил он.

– Ну, давай. Ты как?

– Я – ничего... Илонка, я дурак.

– А что такое?

– Мне нужно было тебя на веранде уложить.

– Да я бы там замерзла насмерть!

– Я бы тебя дядькиным тулупом накрыл, в котором он на зимнюю рыбалку ходит. Такой тулуп – и в Антарктиде не замерзнешь.

– Нет, нужно было его постелить возле печки.

– Я ж говорю, что я дурак! Не смикитил!

Пришли Яшка и машинистка Тоня. Эти двое пропали примерно в два ночи. Явились они в обнимку.

– Илон, ты тут не чай завариваешь? – спросил Яшка.

– Чай – это мысль! – согласился Рома. И точно – заваренный до угольной черноты чай всех взбодрил, а остатки торта показались слаще, чем несколько часов назад.

Потом пришла Лида. Ей было не по себе, замерзли ноги, и перепуганная молодежь стала думать, как бы поскорее отправить ее в город. Рома побежал на шоссе ловить на повороте попутку, Лида и Илона ждали в заветренном месте и, высовываясь, следили, как мечется в метели маленькая черная фигурка.

Наконец случилось чудо – показался автобус с номером, которому здесь быть никак не полагалось, этот маршрут пролегал километрах в пяти от дачного поселка. Но автобус шел напрямик в город!

Рома чуть под колеса ему не бросился, потом посадил на высокую ступеньку Лиду.

– Ромка, ты герой, – сказала Илона. – Беги, грейся!

Тут случилось странное – Рома вдруг поцеловал ее в щеку.

– Ты чего? – спросила она.

– С Новым годом, с новым счастьем! – быстро ответил он, испуганно отступив на шаг.

– А Варвара была права, – сказала Лида, когда они, сидя рядышком, отъехали от поворота. – Ты ему нравишься.

– Этого только не хватало, – ответила Илона.

Она забрала Лиду к себе – греться под горячим душем. Про ванну Лида сказала, что беременным не рекомендуется.

Мать встретила Новый год у соседей и сейчас демонстративно молчала, глядя на телеэкран. С Лидой она, правда, поздоровалась и предложила ей салатов – сырного и свекольного.

– Спасибо большое, – сказала благовоспитанная Лида. – Там какой-то фильм начинается?

На экране уже поворачивались на темном фоне «Рабочий и колхозница». Потом пошла мультипликация. Была она затянута и малопонятная.

Мать взяла газету с телепрограммой.

– Семнадцать сорок пять, «Ирония судьбы, или С легким паром!», – ответила она.

– Это что-то новое?

– Новое, – согласилась мать. – Садитесь на диван, Лидочка. Хотя что-то мне не очень хочется это смотреть, но другого фильма сейчас нет.

– Мультик – это тоже неплохо, – согласилась Лида. И вдруг появились желтые буквы: «Андрей Мягков, Барбара Брыльска, Юрий Яковлев».

– Смотрим! – обрадовалась Илона.

Фильм временно примирил мать с дочерью, но к концу первой серии зазвонил телефон. Илона, сильно недовольная, побежала в прихожую.

– С Новым годом, – услышала она. – Лида не у тебя часом?

– С Новым годом, Варвара Павловна! У меня.

– Так... уж не знаю, как быть...

Впервые, сколько Илона трудилась в корректуре, Варвара Павловна была в растерянности.

– А что такое?

– Мне позвонили из типографии.

– Сегодня?!

– Ну да, типография работает, уже пошел тираж у «вечерки». Им, в типографию, позвонили из Березина, искали кого-то из наших. А они догадались связаться со мной. В общем, Лиде нужно срочно выезжать в Березино.

– Зачем, Варвара Павловна?

– У нее там отец умер. Как раз в новогоднюю ночь.

– Ой...

– Вот те и ой. Даже не знаю, как ей сказать. У нее в Савеловке, сама знаешь, телефона нет, так что мать послала телеграмму, велела срочно позвонить соседям. А Лида не звонит и не звонит. Тогда они там решили, что она на работе. Беда, в общем...

– Но как-то говорить придется. Варвара Павловна, давайте я ее позову!

– Ну... Ну ладно, зови.

Илона вошла в залу. Лида сидела на диване, развалившись, положив ладошку на живот. Поза была совершенно безмятежная, очень уютная.

– Лид, там тебя Варвара Павловна ищет, – сказала Илона.

– Здесь, у тебя?

– Да. Иди к телефону.

Лида вышла в коридор, Илона осталась наедине с матерью.

Говорить как-то было не о чем. Мать молчала совсем уж демонстративно. У Илоны был повод выйти из зала – она должна была быть с подругой в такую горестную минуту.

Лида стояла, опустив руку с трубкой.

– Это я во всем виновата, – сказала она. – Он не хотел, чтобы я уезжала...

И заплакала навзрыд.

Тут, к немалому Илониному удивлению, вмешалась мать. Она, услышав, что в прихожей творится странное, вышла, схватила Лиду в охапку, крепко обняла, повела к себе в спальню.

Лида взяла трубку.

– Варвара Павловна?

Начальница корректуры вновь обрела командный голос.

– Илона, ты понимаешь – Лида по меньшей мере три дня не работница. Нужно поделить ее дежурства. И нужно искать человека на твое место – ей же скоро в декрет.

– Почему – на мое?

– Потому что тебя переведем на место Лиды, значит, нужен дневной корректор. Завтра, боюсь, придется работать втроем...

Это был не самый лучший новогодний подарок.

Дневной корректор читает набело три полосы, после чего может убегать, даже если каким-то чудом работа идет с максимальным опережением графика и третья полоса сдана к шести часам вечера. А обычный корректор сражается, пока не подписана в печать четвертая полоса. Это может случиться и в десять, и в одиннадцать, если судьба-злодейка подsunет очередной партийный пленум.

Про эти страшные пленумы рассказывали Ася, Регина, Тамара, Жанна. Лида помалкивала – из осторожности, чтобы длинный язык не помешал попасть в издательство общественно-политической литературы. Варвара Павловна, коммунистка с сорок третьего года, тоже молчала. Только иногда беззвучно шевелила губами – видно, вспоминала фронттовую лексику. В день пленума или, не приведи Господь, партийного съезда с самого утра приносили с телетайпа длиннейшие ленты с речами, которые еще только должны были прозвучать. Потом приходили поправки – один абзац убрать, два вставить. Некоторые поправки заключались в том, что следовало убрать запятую. Дальше приходили поправки к поправкам. Наконец – особая серия поправок, относящаяся к аплодисментам и бурным аплодисментам. Завершалась вся эта морока хорошо если к трем часам ночи.

Новая должность означала проблемы с репетициями.

Следовало что-то предпринять. Илона уже протянула руку к трубке, чтобы позвонить Жанне, но тут телефон сам задрезжал.

– С Новым годом, – сказал Рома. – С новым счастьем. И прости, пожалуйста, если что не так.

– Все не так, Ромка, – ответила Илона. – Слушай, ты где?

– Я уже дома.

– Дома – это где?

Рома назвал адрес.

Он жил не так чтоб далеко – в четырех троллейбусных остановках от Илоны. За окном уже было совсем темно, да и мороз набирал обороты – не лучшее время для свиданий. И первого января можно встретиться разве что в дежурной аптеке – Илона не была уверена, что окрестные магазины открыты. Какой дурак пойдет в магазин, если полон холодильник вчерашних деликатесов?

И тут Илону осенило.

– Ромка, слушай, ты можешь ко мне подъехать? Только не вылезай из троллейбуса – я сама туда сяду! Прокатимся до кольца и обратно!

– Прямо сейчас?

– Ну да... прямо сейчас... В троллейбусе ведь тепло... Хотя – нет, подожди у телефона...

Илона прокралась к дверям спальни. Мать и Лида о чем-то тихо говорили, слов – не разобрать.

– Я веселилась, а он, а он!.. – вдруг воскликнула Лида, и мать ответила что-то невнятное, и опять они забормотали. Пожалуй, можно было сбежать на полчаса.

В троллейбусе Илона с Ромой уселись на самое заднее сиденье, и Илона объяснила Роме ситуацию с «Аншлагом».

– Это для тебя так много значит? – удивился он.

– Очень много, Ромка. Понимаешь, я всю жизнь считала себя бездарью. А там у меня все стало получаться.

– Но – почему? Почему бездарью?

– Наверно, потому, что дома ругали за тройки. А там меня и ругают, и хвалят. У меня очень хорошо пошла первая сцена – где Мэгги...

Илона вместо делового разговора стала пересказывать пьесу «Большеротая».

– Значит, этот Буревой открыл в тебе талант.

– Понимаешь, он в ком угодно откроет талант! Это такой режиссер!

Илона была счастлива – нашелся человек, с которым можно говорить о Буревом, не скрывая восторгов. С Лидой она пыталась – но Лида все сводила к будущему замужеству. Она действительно не понимала – как можно любить, не думая о браке и семье.

Конечно же, если бы Буревой посватался, Илона была бы счастлива беспредельно. Но она понимала, что до сватовства – еще долгий путь. То, что он может обнять за плечи, конечно, замечательно, однако любовью и не пахнет. А как добиваться его любви – Илона не понимала. Она ведь до сих пор не выяснила, кто главная соперница по имени Элечка. А расспрашивать Веронику она не могла – и так ей казалось, что студийцы обо все давно догадались.

– Ты его любишь? – вдруг спросил Рома.

Скрывать правду Илона не хотела – и даже была рада сказать:

– Ромка, я его люблю.

Рома повесил голову. И после этого стал никуда не годным собеседником, не придумал, как отговорить Варвару Павловну от ее замысла, и вообще засобирился домой.

Они расстались в каком-то тягостном состоянии – может, оттого что вспомнили про Лидино горе.

Лиду и мать Илона обнаружила в прихожей, возле телефона. Они пытались по междугородке дозвониться до Березина, до тех соседей, у которых имелся телефон, но междугородка была занята – первое января! Потом Лида и мать стали думать, имеет ли смысл на ночь глядя ехать на автовокзал, чтобы мчаться в Березино. Попытка дозвониться до справочной и узнать время рейсов тоже оказалась бесполезной. Илона присоединилась к дискуссии – и решили, что Лиде нужно ехать на автовокзал с раннего утра. В конце концов, если человек помер в новогоднюю ночь, хоронить его второго января точно не станут – нужно же сперва оформить все документы.

– Сколько твоему папе было лет? – спросила Илона.

– Семьдесят.

Илона удивилась, что так много, но ничего не сказала.

Потом она вместе с Лидой съездила в Савеловку, чтобы вернуться оттуда с дорожной сумкой; мать правильно сказала, что лучше на автовокзал ехать от них, чем из Савеловки, потому что спозаранку оттуда выезжает рабочий класс в большом количестве, затолкают и на беременность не поглядят. А от Илоного-с-мамой дома до автовокзала можно даже пешком дойти, если есть такое настроение.

– Я провожу тебя, – пообещала Илона. И честно дотащила до автовокзала сумку.

– У тебя замечательная мама, – сказала на прощание Лида.

– Угу, – ответила Илона, пытаясь понять – что это за просветление на мать снизошло.

Может быть, если бы она видела, как мать на работе поливает цветы, как изменяется ее лицо, что-то бы и оформилось в слова. Но Илоне было всего двадцать лет – не лучшая пора для психологических рассуждений. И мысль о том, что матери теперь, в почти сорок четыре, был нужен кто-то слабый и полностью от нее зависящий, пусть хоть ненадолго, прийти в Илонину голову еще не могла.

Лида приехала через четыре дня.

Илона и Регина разбирали в корректорской гранки, Варвара Павловна писала докладную – бригада 31 декабря раньше времени начала праздновать, из-за чего полосы пришлось переверстывать. Открылась дверь, вошла женщина, по виду – ровесница Варвары Павловны, только ниже ростом и иного телосложения: если у Варвары Павловны, при всей ее монументальности, талия присутствовала, то эта женщина, не имея слишком много лишнего веса, фигурой была мужиковата. Вслед за ней вошла Лида.

– Здравствуйте, Варвара Павловна, я Лидина мама, – сказала женщина.

Об этом можно было сразу догадаться – Лида походила на нее и лицом, и фигурой.

– Здравствуйте, – ответила Варвара Павловна. – А к вам как обращаться?

– Зовите Анной Ильиничной, – подумав, сказала Лидина мама. – Хотя с отчеством как-то непривычно, меня по отчеству редко зовут. Я вот с доченькой приехала, посоветоваться надо.

– Кыш отсюда, – велела Варвара Павловна Илоне и Регине.

Они пошли в маленькую корректорскую и там ждали, пока за ними не явилась Лида.

– Варвара зовет.

Варвара Павловна и Анна Ильинична явно поладили.

– Одна она у меня, что же делать? – говорила Анна Ильинична, когда Илона с Региной вошли. – Все для нее, все для нее...

Илона смотрела на Лидину мать и не понимала – отчего подруга так ее боялась. Эта мать, кажется, даже была рада, что скоро станет бабушкой.

– Так, значит, красавицы. Анна Ильинична будет жить с Лидой, чтобы помогать ей. Это очень кстати. Но в Савеловке растить ребенка – лучше уж в лесу землянку выкопать. Спрашивайте всех – не сдастся ли комната.

Илона поняла – переговоры насчет комнатухи в общежитии потеряли смысл, потому что Анну Ильиничну туда разве что в гости пустят.

– Работу для Анны Ильиничны я уже нашла – будет дежурить у нас на телетайпе. Сейчас поведу ее к Бекасову. Там, правда, спятить можно, но ничего другого придумать не могу.

В телетайпной стояли шесть агрегатов, и когда все сразу начинали трещать и гнать ленту – уши закладывало.

Потом Лида рассказала:

– Мама в Березине только затем оставалась, чтобы за папой смотреть. А теперь... теперь – вот... папы больше нет... У нас там домик, она его продаст, попробуем встать на очередь на кооперативную квартиру.

– Она тебя не ругала? – спросила Илона, имея в виду беременность.

– Ну, поругала немного, потом сказала: что мы, вдвоем твою ляльку не поднимем? И все, больше даже не вспоминала.

Илона поймала себя на зависти – ее собственная мать, узнав про беременность дочки, устроила бы из этого праздник на весь город. И слово «аборт» твердила бы двадцать четыре часа в сутки.

Потом Илону позвали к телефону.

Звонил отец, предлагал встретиться. И встретиться было просто необходимо – Илона по нему скучала. До нее понемногу стало доходить, что семья держалась лишь на доброте и уступчивости отца.

Он встретил дочку возле редакции и вручил картонную коробку, завернутую в газету и перевязанную веревочкой с петлей, чтобы удобнее нести.

– Вот, с Новым годом, значит... Ты как-то говорила, что хочешь, ну так получай...

– Что это, папа?

Открывать на улице, под снегопадом, было как-то не с руки.

– Увидишь. Как там мама?

– Да никак...

Мать действительно была «никак» – ходила на службу, смотрела телевизор, с дочерью говорила лишь по мере необходимости, всем видом показывая: я хотела, как лучше, а меня незаслуженно обидели. И по вечерам, сидя перед телевизором, демонстративно резала газеты на квадратики – для туалета. Раньше эту работу выполнял отец. А сейчас она стала чем-то вроде символа незаслуженного женского одиночества.

– Илуська, ты там с ней помягче... Я тебя знаю, ты характером не в меня, а скорее в нее уродилась.

– Лучше бы в тебя. Папа, у тебя пуговица вот-вот оторвется.

– Я знаю.

Отец сам оторвал пуговицу и сунул в карман. Илона подумала: сколько же лет он носит это зимнее пальто, эту шапку-ушанку из искусственного меха? Неужели за все время существования семьи не удалось выкроить денег хотя бы на новую шапку?

Это был очередной этап поисков материнской вины перед семьей, перед отцом, перед ребенком.

– Давай я провожу тебя, – сказал отец.

Илона еще днем уговорила встретиться с Яром. И сейчас ей пришло в голову, что показывать Яру отца, одетого по-нищенски, пожалуй, не стоит. Яр-то всегда был одет с иголочки. Сразу же стало стыдно за эту мысль.

– Давай лучше я тебя провожу до остановки, – предложила она.

Не то время, не та погода, чтобы гулять по парку, время от времени присаживаясь на лавочку, – так сказала она себе. Домовая кухня уже закрыта, открыта булочная, там тепло – но стоять и разговаривать в булочной – как-то странно.

Они упустили троллейбус и минут десять ждали следующего. Отец придерживал рукой полу пальто – из-за оторванной пуговицы она все время отлетала. Илона подумала: если уж он твердо решил не возвращаться, то пусть бы нашел себе хорошую женщину, а она постаралась бы с этой женщиной поладить. Такую, чтобы забирала у него зарплату и сумела скопить деньги на новое пальто и новую шапку. Потому что сам он явно не в состоянии.

Это тоже было камушком в материнский огород.

Потом Илона встретила с Яром и рассказала ему новость про Лиду.

– Ну вот, все очень даже хорошо складывается, – сказал Яр. – Хорошая бабушка – на вес золота. Передай Лиде – я за нее рад.

– А у тебя как?

– По-прежнему. Я приходил мириться – что-то не получается. Вот так, крошка, не выдержали мы испытания. Где Лида будет жить?

Илона объяснила, как умела, задумку насчет кооперативной квартиры.

– Это долгая история, – сказал Яр. – А ей уже скоро рожать. Передай Лиде – пусть немедленно становится на очередь и просит комнату в коммуналке.

– Яр, это же ужасно – жить в коммуналке!

– Крошка, пусть сделают, как я сказал, – голос Яра вдруг стал жестким, чуть ли не металлическим. – Встать на очередь немедленно. И нужно письмо от редакции, нужно письмо из райкома комсомола – она же общественница.

– Яр, там же очередь в десять километров!

– Крошка, пусть они немедленно подадут заявление. Немедленно. Немедленно.

Илона даже испугалась этой настойчивости, лицо Яра показалось ей окаменевшим, голос словно не изо рта выходил, а рождался как-то иначе – черед миллион крошечных дырочек на лице и на всем теле. Но это объяснялось усталостью Илоны – к концу рабочего дня, после стакана шампанского в цеху, с бригадой, еще и не то померещится.

Подойдя к своему дому и поднявшись по лестнице, она поняла, что открывать дверь квартиры не хочется. И позвонила соседям.

У них было веселое застолье.

– Вот, Толик – это Илона, Илона – это мой Толик! – с гордостью сказала Галочка.

Вид Галкиного мужа Илону несколько озадачил. По рассказам соседки она представляла себе Толика великолепным мужчиной – как Тихонов в роли Штирлица. А тут – долговязый парень в очках, и в каких очках! С толстыми мудреными линзами.

Кроме Толика, за столом сидели Галочкина институтская подруга Катя с мужем Витей и вырвавшийся на пару дней из деревни дядя Миша. Итого – шесть человек, три пары. Илона – седьмая и без пары.

Тетя Таня была совершенно счастлива – она как раз и мечтала о больших застольях. Она тут же усадила Илону, принесла ей чистую тарелку и прибор, надела хорошим куском жареной рыбы.

Картонную коробку Илона не знала, куда девать, и приткнула на полу возле дивана.

– Что это у тебя? – спросила Галка.

– Еще не знаю. На Новый год получила.

– Так давай посмотрим!

Веревочку разрезали, газету размотали, и Илона достала из коробки вещь, о которой могла только мечтать: портативный кассетник «Спутник».

– Ничего себе! Вот это да! – услышала она. – Ну, здорово!

Илона лишилась дара речи. Она сразу вспомнила давнюю сценку за столом. Тогда она только-только начала ходить в «Аншлаг», и Буревой обнаружил у нее проблемы с дикцией. Магнитофон был просто необходим для работы, и Илона за ужином всего лишь намекнула, что хотела бы получить его ко дню рождения. Мать сразу вспомнила, что дочери нужно совсем другое – кримпленовое платье. Илона знала эти платья, и они ей не нравились, на ее взгляд, так могла бы одеваться Варвара Павловна. От кримпленового брючного костюма она бы, впрочем, не отказалась, но мать не понимала брючных костюмов – видимо, примеряла их на себя и осознавала, что на работу в таком ходить она не может, значит, и дочери это не требуется.

Красный «Спутник» лежал на столе, и мужчины, все трое, восхищались.

– Но ты, Илонка, на одних кассетах разоришься, – предупредил дядя Миша. – Кто же тебе такие дорогие игрушки дарит?

– Дорогие?

Илона не знала, сколько стоит магнитофон, и ахнула, услышав цену: сто восемьдесят рублей. Это было примерно три кримпленовых платья.

– Надо же, и у нас научились кассетники клепать! – радовался Толик. – Может, и «Филлипс» когда-нибудь обгоним?

Мужчины заговорили о качествах «Филлипсов» и «Грюндигов», обычно привозимых моряками из загранки. Илона хотела было сказать, что это подарок отца, но не получилось.

Нужно было придумать, где прятать магнитофон. Если бы мать узнала, что отец сделал такой подарок, последствия могли быть ужасны. Вдруг Илону осенило – нужно просто объяснить ситуацию Буревому, и пусть «Спутник» пока побудет у него. Магнитофон очень пригодится во время репетиций – каждый студиец сам, своими ушами, услышит свое бормотание и сделает выводы.

А дальше, а дальше...

Может быть, с этого магнитофона и дружба начнется? Настоящая – а не те приятельские отношения, которые у него со всеми в студии?

Пока же Буревой дедморозит, магнитофон можно прятать под диваном.

При первой же встрече Илона передала Лиде совет Яра и от себя прибавила – надо послушаться, потому что – «что ты теряешь?» С кооперативной квартирой тоже было не так просто – редакция сама домов не строила, а через кучу инстанций пристегивалась к домам, возводимым для какого-нибудь предприятия. Эти дома сдавали обычно перед Новым годом – закрывали

план, и ближайшее по времени здание, на которое можно было претендовать, было бы готово к эксплуатации разве что весной.

Анна Ильинична оказалась очень толковой матушкой, знающей цену деньгам. Илона познакомила ее с отцом, и он растолковал, во что обойдется кооперативная квартира, если каким-то чудом удастся пристроиться к его текстильному комбинату, один первый взнос – больше трех тысяч.

Тогда Анна Ильинична пошла по инстанциям и удивительно быстро поставила беременную дочку на очередь. Одновременно она искала, где бы снять комнату – требовалась комната со всеми удобствами, но никак не находилась. Вдруг ей дали телефон, она куда-то звонила, ездила и уже почти договорилась, но тут случилось чудо.

Лиду посреди рабочего дня позвали к телефону и сообщили: появилась комната в коммуналке, соседка – всего одна, а появилась потому, что прежняя хозяйка умерла, не оставив наследников. Прописана она в этой комнате была одна, и если Лида согласна поселиться вместе с матерью на площади в почти восемнадцать метров, то пусть срочно бежит за смотровым ордером.

Яр оказался прав!

– Чудо, – сказала Варвара Павловна. – И от редакции близко, пешком за десять минут можно добежать. Действуй!

Комната была грязная, сто лет не знавшая ремонта, но – почти восемнадцать метров! И половина кухни, а кухня – все десять метров. И ванная со ржавой ванной, но это мелочи. И туалет с унитазом, который помнил еще царское время, но поменять унитаз – это уж проще простого. И коридор, что особенно обрадовало Лиду и Анну Ильиничну, потому что в коридоре можно будет ставить коляску.

Анна Ильинична взяла власть в свои руки. А руки у нее были трудовые. Она носилась с документами, ездила куда-то на склад за обоями, раздобыла стремянку, смоталась в Березино и перевезла оттуда вещи; до поры их распихали по знакомым, один чемодан даже спрятали в маленькой корректорской под столом. При этом она еще дежурила на телетайпе то в утреннюю смену, то в вечернюю.

– А ты сиди! – прикрикнула она на Лиду, которая порывалась помочь. – Я все – сама! А ты – отдыхай! Впрок! Спи! Гуляй! Ты у меня одна – что я, о единственной дочке позаботиться не могу? Вон у тебя в горкоме собрание ко дню советской армии! Оденься, причешись, иди! Нельзя не ходить – а то тебя забудут.

Лиде живот уже порядком мешал – особенно подниматься по горкомовской лестнице с высокими ступеньками. Но Анна Ильинична была права – нельзя сходить с круга, нужно позаботиться о завтрашнем дне. Илона только удивлялась – вот ведь и такая материнская любовь бывает...

Она не была завистлива, но иногда потихоньку, самую малость, завидовала Галочке, у которой была веселая и бойкая тетя Таня, любительница застолий и посиделок, завидовала чуть-чуть Лиде, которая могла во всем положиться на Анну Ильиничну. Да и не только это – всякая ли мать, узнав, что незамужняя дочка беременна, а папуля сбежал в неведомо какой океан, обрадуется: ну и хрен с ним, без него даже лучше справимся!

И всякая ли мать, привезя домой дочку после трудных родов, полностью взвалит на себя все хозяйство и уход за ребенком, возьмет отпуск за свой счет, разругается из-за этого отпуска с начальством, потом вообще напишет заявление «по собственному желанию»? А тетя Таня написала, всем объявив:

– Что, нас Толик с Мишей не прокормят?

Вся жизнь соседей отныне принадлежала маленькому Максимке – до той поры, пока у него не появится братик или сестричка.

Варвара Павловна меж тем искала нового дневного корректора. Лида собиралась работать до последнего, с риском, что ее увезут рожать прямо из редакции. Илона просто умоляла: не надо дневного, надо обычного, который будет работать через день! Она смертельно боялась остаться без свободных вечеров.

– Дурочка ты, – сказала Варвара Павловна. – Думаешь, твоя самодеятельность – навсегда? Сейчас ты можешь перейти на сменную работу, а как будет потом – неизвестно. А ты у нас на выданье, а для замужней женщины работа через день – то, что нужно.

– Я еще не на выданье, – строптиво ответила Илона.

– Смотри, упустишь время – будешь, как наша Регинка. Одна радость – шмотками спекулировать. А на тебя хороший парень глаз положил, не пробросайся.

– Ромка, что ли? Да ну его...

В «Аншлаге» меж тем близился день премьеры. Конечно, премьеру в ДК играл первый состав, но Буревой обещал, что на выезде будет играть и второй состав. Илона как человек, имеющий отношение к прессе, пригласила Яшку из отдела культуры и фотокора Юру, отнесла приглашения и в другие редакции.

Буревой даже не поблагодарил. Он теперь видел и слышал только первый состав. «Спутником» же пользовался, как будто собственной техникой, совершенно забыв, чей это магнитофон. Обиженная Илона несколько раз собиралась вернуть отцовский подарок, но понимала – отношения от этого лучше не станут.

По странному совпадению буквально с разницей в пять минут начался премьерный спектакль, а Лиду повезли в родильный дом.

Премьера завершилась походным банкетом прямо на сцене, и Илона поняла, что счастье вернулось: она видела прежнего Буревоего, Буревой обнимал ее за плечи, он в легком подпитии перецеловал всю студию, и ей два поцелуя перепало.

– А Элечка не пришла, – шепнула Вероника длинной Наташке, и это тоже было праздником – значит, с Элечкой у него ничего серьезного нет.

Утром Илоне позвонила Анна Ильинична.

– Илоночка, у нас доченька! Ты можешь со мной по магазинам пойти?

Анна Ильинична была суеверна – не хотела покупать приданое внучке, пока дитя еще не появилось на свет. А теперь внучка уже в наличии – и срочно требуются все эти пеленки, подгузники, чепчики, полотенчики и прочие очаровательные тряпочки.

Нужно было купить все, что удастся достать, и привезти в новое Лидино жилье до начала смены. Илона позвонила Жанне, Жанна позвонила Тамаре, у Тамары лежали наготове постиранные вещички ее младшенького.

Потом Анна Ильинична и Илона привезли покупки, и Анна Ильинична затеялась перестирать новые пеленки – они прямо с фабрики, одному Богу ведомо, сколько в них пыли и неуловимой взглядом грязи.

Большой котел-выварку Лиде отдала Варвара Павловна. Анна Ильинична прокипятит первую порцию белья, развесила ее в кухне, и тут появилась соседка.

Соседка была стара, подслеповата и очень недовольна тем, что в комнате ее давней подружки будет жить грудной ребенок. Видимо, раньше она не осознавала, что теперь каждый день на кухне будет сохнуть белье.

Начался скандал.

Скандалить Анна Ильинична умела. В конце концов она пообещала вылить на склочницу горячую мыльную воду из выварки. Та кинулась прочь – как выяснилось, к телефону. Кто бы мог предположить, что вредная старуха вызовет милицию и будет кричать, что ее обещали убить?

Илона уже опаздывала на работу. Оставив Анну Ильиничну разбираться с соседкой и милицией, она помчалась в редакцию и обо всем доложила Варваре Павловне.

– Плохо дело, – сказала та. – Как бы эта мадам не принялась пакостить. Я таких знаю – и дерьмо в кастрюлю с супом может подбросить...

Илона вспомнила злое лицо соседки и согласилась.

– Что же делать? – спросила она.

– Ничего съедобного на кухне не оставлять. Холодильник перетащить в комнату. Лучше бы и белье без присмотра не оставлять. И коляску в комнату забирать. Вот не было печали...

– Может, и нам тоже вызывать милицию, если что?

– Милиции это скоро надоест. Будет приходиться участковый и ругаться.

– Так все очень просто, – вмешалась Регина. – Менты тоже люди. Дать в лапу – и они с ней иначе поговорят...

– Ты научишь! – рассердилась Варвара Павловна. – Твоя наука Лидке боком выйдет!

Как всегда в непонятных случаях, Илона позвонила Яру.

– Прежде всего – немедленно прописать ребенка в квартире, – сказал Яр. – Чтобы их получилось трое на восемнадцати метрах. Тогда можно подавать на улучшение.

– А шесть метров на человека – это как? – спросила Илона. – Это – мало?

– Покрутись сама на шести метрах, крошка... Погоди – по-моему, на улучшение ставят, если полных шести метров нет. Ладно, я узнаю. Только не вздумайте ментам взятки давать. Как раз напоретесь на принципиального. Редко, но случается.

Соседка и впрямь оказалась пакостливой. Она что-то такое сотворила с газовой плитой, что газ не давал ровного горения одинаковыми язычками, а вырывался из конфорок, как попало, и вонял на всю квартиру. А сама стала стряпать в своей комнате на древней электроплитке. Анна Ильинична, зайдя к ней для решительного объяснения, увидела эту плитку и ужаснулась.

– Да ты же, дура, пожар устроишь! – прямо сказала она. И за этой простой истиной последовал следующий вызов милиции – соседка кричала, будто ее нецензурно оскорбляют, на кухню не пускают, и она вынуждена готовить у себя.

– Нужно всерьез припугнуть, – посоветовала Варвара Павловна. – И потом клясться и божиться, будто мерзавка повредила умом и скоро начнет чертей гонять. Лет-то ей уже – огого! Может, и в самом деле умишком тронулась.

– Даже страшно Лиду в такую квартиру везти, – сказала Илона.

– Ты можешь ее к себе пока забрать?

– Да я бы забрала! Только у меня мама...

– Ну, если что, я к себе возьму. С Анной Ильиничной авось не поругаемся, я для нее плитку раскурочивать не стану. Так ей и передай.

Но Анна Ильинична, поблагодарив, ответила, что сама справится со склочницей – и не такое видывала, в войну побывала в оккупации, а соседка – не фриц и оружия у нее нет. Времени, правда, мало – всего один день. Ну да есть и такая штука, как партизанская смекалка.

Все было организовано по высшему классу – Анна Ильинична позвонила в «скорую» и затребовала специализированную бригаду для впавшей в бешенство соседки примерно за полчаса перед тем, как затеять скандал. Бригада приехала и застала соседку в халате, размахивающую палкой от швабры.

После укола соседка очень притихла. Она молча ушла к себе и заперлась, а Анна Ильинична заставила фельдшера «скорой» принять коробку хороших конфет.

Эту историю Илона, как только узнала, рассказала Яру.

– Вот это бабуля! – похвалил он Анну Ильиничну. – Думаю, что ваша склочница притихнет надолго.

Он оказался более чем прав. После того, как соседка не показывалась три дня, даже не выходила в туалет, Анна Ильинична забеспокоилась. На стук в дверь и крики соседка не отзывалась. Пришлось звонить участковому.

– Царствие небесное, – сказал, выйдя из комнаты, участковый. – Родня-то у нее есть? Чтобы похоронить?

Вот тут и настал звездный час Анны Ильиничны. Она, потолковав с Яром, поняла, что Лида с грудным ребенком и прописанной в ее комнате матерью может претендовать на дополнительную жилплощадь. И эту жилплощадь не придется ждать годами – вот же она!

Забирали Лиду из роддома всей корректурой, пока Анна Ильинична сидела в какой-то очереди, сражаясь за комнату.

Увидев подругу, Илона немного испугалась. Лида была какая-то заторможенная, словно спала на ходу, крепко держала ребенка и ничего не слышала – ни слов, ни уличного шума, слышала только дочкино дыхание. Когда их привезли домой, когда Жанна с Асей быстренько накрыли стол на кухне, а Тамара с Варварой Павловной показали Лиде все, что приготовлено для ухода за ребенком: стопки чистых пеленок, простых и фланелевых, распашонки и чуть ли не полсотни подгузников из дефицитной марли, даже баночку с ватными жгутиками – чистить маленькой Ксюшеньке носик и ушки, Лида немного оживилась и даже согласилась положить дочку в кроватку.

Ее пытались расспрашивать о роддоме, о родах, она отвечала, что все было нормально, и это опытным мамашам Тамаре и Асе даже казалось странным – редкая женщина хорошо отзывалась о роддоме, а Жанна – та вообще заявила:

– В следующий раз пойду рожать на вокзал. Там и кому помочь найдется, и все будут успокаивать, и не бросят одну в палате. И чище там!

– Ох, девки, беда – Лидка будет сумасшедшей мамашей, – сказала Варвара Павловна, когда шла вместе с Илоной, Региной и временно заменившей Лиду Асей в редакцию. – Видели? У нее на ребенке свет клином сошелся.

– Разве это плохо? – спросила Илона.

– Это у нее – чересчур. Своего родишь – поймешь, – ответила Варвара Павловна. – Вы же ее знаете – притворяться не умеет. Есть мамы, которые притворяются сумасшедшими, а она действительно на радостях умом тронулась. Ничего, кроме доченьки, не видит и не слышит. Нельзя женщине быть такой серьезной...

Очень удивились корректорши, услышав это от Варвары Павловны. Но безмолвно согласилась – Лида действительно поражала своей серьезностью. И одевалась она так, чтобы через пару лет вписаться в немолодой и идейно выдержанный коллектив издательства общественно-политической литературы, и причесывалась тоже – как будто ей не нравилось быть молодой. Даже странно было, что она отважилась на попытку замужества. Впрочем – не объяснялось ли это тем, что к замужним в коллективе совсем другое отношение? Не вертихвостка, не озабочена ловлей женихов, а знает только дом и работу, работу и дом...

К концу смены Илона позвонила Яру – рассказать новости.

– Мы ее сегодня привезли. Ребенок замечательный, спокойный, так что скоро, наверно, мы сможем к ней в гости сходить.

– Сперва пусть они разгребут вторую комнату. Тогда ребенок сможет спокойно спать, пока мы будем чай гонять, – ответил Яр.

Илона немного растерялась – она пыталась вспомнить, когда в последний раз созванивалась с Яром, до или после смерти скандальной соседки. Вроде бы до – но откуда он знает, что комната освободилась?

– Ты сегодня идешь на репетицию? – вдруг спросил Яр.

– Иду, а что?

– Я буду в тех краях, можно встретиться на минутку. Я тебе кассету записал – «Пинк фloyd», как ты просила.

Вспомнить, когда она просила «Пинк фloyd», так, сразу, Илона тоже не могла.

– И я взял тебе немецкую тушь для ресниц, с ершиком. Брасматик то есть.

– Ой!!!

Это был полный восторг.

Илона, разумеется, красила ресницы. У нее, как и у всех, была коробочка с тушью, к которой прилагалась щеточка. Если поплевать на тушь и размазать щеточкой слюну, получалась жижа, которой можно было в три слоя нарисовать ресницы, а потом перед зеркалом иголкой разделить волоски, чтобы не было комков. Общей мечтой был «брасматик» – слово, недавно вошедшее в обиход: не знать, что такое «брасматик», было стыдно. Это могла себе позволить только женщина за сорок, то есть – почти бабушка.

«Брасматик», как и хороший мягкий карандаш, чтобы рисовать стрелки в углах глаз, не покупали в магазинах, а доставали. А если удавалось раздобыть «Ланком» с фирменной золотой розочкой на черном патрончике, так это получался настоящий праздник. Достать при подружках «Ланком», чтобы подправить реснички», – какое блаженство сравнится с этим?

– Ну так где встречаемся?

Илона стала назначать место и время, совершенно забыв спросить, откуда Яр знает про вторую комнату.

После успешной премьеры «Большеротой» Буревой задумал новый спектакль – он раздобыл пьесу Брагинского и Рязанова «Притворщики», перепечатку, чуть ли не десятую копию, бледную, как следы дождевых капель на трамвайном окне. Пьеса была новенькая, свеженькая, прямо со сковородки, и после блистательного успеха «Иронии судьбы» творение этих авторов должно было пойти на ура. Буревой обсудил свою затею и с дирекцией ДК, и в комитете комсомола, и в парткоме. Удалось заинтересовать решительно всех. Договорились – в марте его вызывают на съемки, роль хоть и не главная, но интересная, а с апреля начинается работа над «Притворщиками». А пока что по выходным в ДК показывали «Большеротую», причем играл только первый состав, и это было страшно обидно.

Илона с нетерпением ждала, пока профкомовская машинистка перепечатает «Притворщиков», – хотелось узнать, есть ли там для нее хоть крошечная роль. Меж тем в корректуре случилось странное событие.

Лида и Анна Ильинична заявили, что после декретного отпуска Лида на работу не выйдет, а еще хоть бы годик посидит с маленькой Ксюшей. И леший с ним, со стажем, пускай прерывается. Ребенок важнее.

– Что я, их не прокормлю? – спросила Анна Ильинична. – Да божечки мои! Я так вязать умею, что вам и не снилось.

Действительно, дежурства при телетайпе очень располагали к вязанию. И образовался неожиданный дуэт – Регина снабжала Анну Ильиничну модными журналами, даже немецкими, со схемами свитеров и джемперов, где-то добывала пряжу и приводила клиенток, Анна Ильинична взялась за дело яростно. Правда, с подбором цветов могла оплошать – она чувствовала объем и не чувствовала взаимоотношений цветов. Зато работала аккуратно, и Регина, чтобы похвалить ее, говорила:

– К вашим свитерам можно хоть какой лейбл пришивать, и никто не догадается!

Лида же вся ушла в материнство, и когда корректорши навещали ее, то ясно видели – вежливости, положенной хозяйке дома, хватает ненадолго, примерно на четверть часа, а потом Лиду уже несет к кровати, к пеленкам, которые нужно прогладить с двух сторон, и говорить с ней о редакционных делах – совершенно бесполезно. Даже когда ей сказали, что выпускающий Ромка попросился в корректуру, она не ахнула, не показала удивления, ее эта фантастическая новость вовсе не затронула.

А меж тем даже Варвара Павловна не могла упомнить случая, чтобы в корректуру взяли мужчину. Как-то изначально должность эта предназначалась женщинам – во всяком случае, в послевоенное время, а что было до войны – она не знала.

Она пошла к Бекасову советоваться.

– А почему бы нет, Варя? – спросил Бекасов. – Парень грамотный, учится на заочном. Он как раз на диплом идет. Твоя корректура для него – вроде санатория.

Посмеялись. Действительно – выпускающий все время носится, как наскипидаренный кот, а корректор сидит, и бывает даже полчаса свободного времени – можно книжку почитать. Тем более что книжек дипломнику читать приходится много.

– Проверю на глазасть, – сказала Варвара Павловна. – И если не видит ошибок – извиняй, Леша. Когда у него защита-то?

– Следующей зимой.

– И уже теперь садится за диплом?

– А что, нужно в последнюю минуту?

У Варвары Павловны сразу образовалось свое мнение по этому вопросу, но она промолчала.

Прошло еще около месяца, пока нашли другого выпускающего, и Рома перебрался в корректуру на Лидино место. Ему предстояло читать гранки и полосы в паре с Илоной.

Илона была не слишком довольна, однако выбирать не приходилось. И были у нее заботы поважнее, чем Ромкины затеи. Буревому, похоже, надоела студия. Его опять вызывали на пробы, и он возвращался из Москвы веселый, довольный и совершенно чужой. Он говорил, что в следующем сезоне будет ставить «Притворщиков», обещал также хотя бы пару спектаклей «Большеротой» второму составу, но все это было – как будто подспудное «скажу все, чего ждете, только отвяжитесь от меня».

Когда Илона добыла экземпляр «Притворщиков», когда прочитала пьесу и осмыслила ее, то поняла, что ни одна роль ей не светит. Причина – молодость. Роль светила Наде, леди Гризел в «Большеротой». Наде сорок, она контролер ОТК, и там, в цеху, над ней посмеиваются – нашла себе игрушку. Но леди Гризел она прекрасная, и вот теперь ее ждет роль режиссерши Евгении Борисовны. Главная женская роль, конечно же, достанется Лене – Лена тридцатилетняя эффектная женщина, она блистает в роли Ледив-зеленом. Но вообще ее вот-вот сманят в оперетту – у нее замечательный голос. Там, правда, она всю жизнь проторчит в хоре, но это все же работа, а не хобби. Раису сыграет Вероника – тут и к гадалке не ходи. У Вероники такое чувство юмора, что Раиса получится просто блестящая. Вот как там, на небесах, распределяют актерские способности?! Веронике, с ее внешностью, следует быть подавальщицей в заводской столовке! А она – талант...

В двадцать один год еще не очень анализируешь стремления и судьбы, иначе Илона пожалела бы женщин, которые нашли утешение в «Аншлаге». Но ей все еще казалось, что «Аншлаг» – лучшее место в мире.

Близилось лето – а на лето студию распускают. Буревой уже похвастался, что у него будут съемки в Крыму. Все понимали – душой он уже в Крыму и просто не помнит, чего наобещал второму составу. Илона держалась долго – но, когда Вероника позвонила в корректуру и сказала, что сегодняшняя репетиция отменяется, она не выдержала, ушла в маленькую корректорскую и разревелась. Там ее и обнаружил Рома, которому выдали целую кипу гранок и оригиналов.

Рома перепугался до полусмерти. Он кинулся утешать, в помутнении рассудка даже обнял, Илона стряхнула его руку и обругала дураком. Словом страсти кипели минут десять. Потом пришла Регина, тайно выбегавшая по своим причудливым спекулянтским делам, Рому выставила, а Илону обозвала дурой, что, в общем-то было даже справедливо.

– Ни один мужик не стоит того, чтобы так из-за него реветь! – сказала сразу поставившая диагноз Регина. – Иди, умойся, у тебя глаза черные.

Тушь, понятное дело, не выдержала рыданий. Илона ушла в туалет и попыталась без зеркала привести лицо в порядок. Потом села за работу, работа не заладилась, она пропустила кучу ошибок и схлопотала нагоняй от Варвары Павловны. Было только одно спасительное средство – звонить Яру.

Яр примчался на встречу, обремененный двумя неуклюжими спортивными сумками. Судя по осунувшемуся лицу – куда-то с ними мотался и сильно устал.

– Дела, дела, – сказал он. – Вот, ездил, вернулся.

– Как у тебя с твоей?

– Да все по-прежнему, – пытаюсь установить сумки на парковой скамейке, – ответил Яр. – Что ей делается! Все та же блажь в голове, простых вещей не понимает. Можно ведь просто жить вместе, пока это обоим устраивает...

– Так вы помирились?

– Мы? Помирились?.. – лицо Яра окаменело. – Ну, в общем...

Видимо, свет фар пролетевшей за парковой оградой машины исказил и преобразил черты лица. Полыхнули белые блики на волосах, разъехались и вернулись на место углы рта. Глаза полностью растаяли в черных пятнах на месте глазниц, но вернулись, и лицо вновь стало округлым и свежим, даже сходства с Буревым прибавилось.

– Садись, – сказал Яр. – Да садись же. Меня еле ноги держат. Хочешь коньяка?

Он достал из бокового кармана сумки фляжку.

– Давай из горла, – предложил он. – Мне кажется, это для тебя сейчас самое подходящее лекарство.

Илона подумала и согласилась.

Крепких напитков она обычно не пила. Роскошью считалось шампанское, редакционные мужчины приносили «Агдам» и «Фетяску», предлагали корректорше, заглянувшей по делу в кабинет. Илона все это перепробовала и осталась недовольна. На премьере «Большеротой» пили что-то загадочное, самодельное, из большой бутылки, которую притащил звукооператор Вурдалак Фредди. Дома стояла бутылка коньяка – «для гостей». Илоне и в голову не приходило, что можно к ней прикоснуться.

А тут – фляжка с награвированной картинкой, с целым пейзажем – старинный город, башенки, темный проем ворот. И пахнет интересно.

Она сделала два глотка и удивилась – какой, оказывается, приятный и мягкий напиток.

– Приучайся, – сказал Яр. – Воспитывай вкус. Чтобы в приличном обществе не опозориться. Ну, давай, выкладывай.

– А чего выкладывать... Он на меня вообще больше внимания не обращает!

– Только не реви, только не реви! – закричал Яр. – Смотри вверх! Вверх смотри, говорю! Это помогло – удалось не заплакать.

Яр похлопал Илону по плечу.

– Я тебя сейчас спрошу, а ты, пожалуйста, не нокаутуй меня.

– Ну?

– У тебя кто-нибудь уже был?

– Это как?

– Это – ты с мужчиной уже была?

Илона опустила голову. Не то чтобы ей было очень стыдно... Она понимала, что в двадцать один год уже должна быть какая-то личная жизнь. Но – в состоянии законного брака! Морали и нотации, которые она слышала от матери, намертво въелись в душу. До свадьбы – разве что поцелуи. Да и после свадьбы – в полной темноте, под одеялом, не снимая ночной

рубашки. Не она одна была такая праведница – бывшие однокурсницы слышали от своих матерей то же самое.

– Понятно, – сказал Яр. – Ну так это тебе и мешает. Ты же с ним ведешь себя, как ребенок со взрослым, а не как женщина с мужчиной. Ты понаблюдай, понаблюдай за собой!

– А как?

– Ну, хорошо, понаблюдай, как с ним себя ведут женщины. У вас в «Аншлаге» ведь не только девчонки. Илонка, ты же актриса! Сыграй женщину!

– Он догадается!

– Ты даже не представляешь, до какой степени мы недогадливы...

Она невольно улыбнулась. Улыбнулся и Яр.

– Ну, потренируйся на ком-нибудь, что ли, – посоветовал Яр. – Поверти хвостом. Вот у тебя кофточка – две верхние пуговицы не застегнуты, это правильно. А ты еще и третью расстегни. Юбочку – на пару сантиметров короче, у тебя же стройные ножки. И вот что – тебе надо чуточку румяниться. Ты после зимы какая-то бледненькая.

– Румяниться?

Это слово вызывало в памяти какие-то исторические романы с героинями в фижмах и криолинах.

– Ох, еще и этому тебя учить? У тебя губная помада есть? Нет? Так, который час? Половина восьмого. Мы еще успеваем в универмаг.

– Зачем?

– Купим тебе помаду.

– Там же ужасная!

– Для меня найдут хорошую.

С помадой у Илоны были сложные отношения. Она видела, как красит губы мать, и это ей совершенно не нравилось. Мать мазала губы, потому что этот примитивный грим был деталью образа конторской служительницы. Варвара Павловна тоже не появлялась на люди с ненакрашенными губами, но хоть цвет выбрала более удачный, не такой химический. Регина могла намалевать рот, как у инопланетянки. Вероника экспериментировала – тоже где-то ухитрялась доставать разные помады или просто менялась с подружками. Другие девушки в «Аншлаге» Илоне не очень нравились, и потому она не обращала особого внимания на их грим, хотя Лена умела нарисовать себе совершенно великолепный рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.